

ПОДЪЕМ КИТАЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ. МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 25 декабря 2019 <i>Принята к печати:</i> 10 марта 2020	Аннотация: Материалы круглого стола «Региональные порядки и подъем Китая», организованного в рамках Конвента РАМИ 21 октября 2019 года в МГИМО Университете
Об авторе: <i>Материал подготовлен к печати главным редактором журнала А.Д. Воскресенским</i> e-mail: sravitpolit@mail.ru	
Ключевые слова: Китай; подъем Китая; модель развития Китая; сравнительный анализ; мировой порядок; региональный порядок	

Презентация научной литературы:

– Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М: МГИМО-Университет / Аналитическо-консультативный Центр «Стратегические изыскания», 2019. 734 с.

– The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski (MGIMO) & Boglarka Koller (NUPS, Budapest). Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 228 p.

– Журнал «Сравнительная политика» (www.comparativepolitics.org) – итоги 10 лет.

Приветствия и вступительное слово:

– Приветствие директора издательства «Страдис», заведующего кафедрой истории и теории регионоведения МГЛУ В.В. Макаренко;

– Вступительное слово модератора круглого стола – директора Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО, члена Общественного Совета Минвостокразвития, зам. председателя ОРКД, главного редактора журнала «Сравнительная политика», профессора д. полит. н., PhD (Манчестерский университет) А.Д. Воскресенского.

1. Китай как глобальный фактор

К.А. Ананьина (МГИМО МИД России). «Фактор Китая» как вызов западно- и китаецентричным теориям международных отношений¹

Многообразие мнений о траектории развития Китая и его поведении на международной арене не всегда позволяет понять суть происходящих процессов. Речь идет, прежде всего, о растиражированном китайском факторе. Этот термин постоянно фигурирует в отечественной и зарубежной прессе, а также академической литературе, невольно вызывая обеспокоенность обозревателей китайской угрозой, но уже в новом прочтении – «подъеме» Китая. Очевидно, что давно назрела объективная потребность в комплексной и методологически корректной научной концептуализации китайского фактора.

Западные рационалистические (реализм, либерализм, конструктивизм) и китайские культурно-

¹ За основу доклада взята диссертация автора. См. Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Ананьина Кристина Александровна; науч. рук. А.Д. Воскресенский; МГИМО МИД России. Москва, 2019. 293 с. [Ananyina, K.A. Vliyaniye kitayskogo faktora na indijsko-amerikanskiye otnosheniya v sovremennoy mirovoy politike (The Influence of the Chinese Factor on Indo-American Relations in Modern World Politics): dis. ... cand. of Pol. MGIMO University. Moscow, 2019. 293 p.]

структурированные (система глобального управления Чжао Тиняна, теория отношений Цинь Яцина, моральный реализм Янь Сюэтуна) подходы строятся на определенных культурно-идеологических позициях, которые формируют представление о китайском факторе в рамках конкретной китаецентричной «картины мира».

Методологический инструментарий факторного анализа позволяет выделить основные параметры китайского фактора статистическим путем, преодолев субъективизм культурно-структурированных объяснений западной и китайской традиций. Ценность факторного анализа состоит в том, что с его помощью можно одновременно решить две задачи – выявить взаимосвязи между переменными и сформулировать объяснения «среднего уровня», которые способны в нашем случае продемонстрировать, как конкретные государства реагируют на появление и изменение роли китайского фактора в региональной системе взаимосвязей.

В моей кандидатской диссертации на тему «Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике» были творчески адаптированы алгоритм упомянутого метода в описании Н.И. Диденко, а также комбинированная методология ведущих отечественных исследований в данной области – А.И. Агеева и Б.В. Куроедова, А.Д. Воскресенского, Б.Н. Кузика, А.С. Куминова, С.А. Нефедова – к задаче деконструкции китайского фактора с «индийского угла». Источниковой базой послужили публикации по китайской тематике на официальном сайте МИД Индии, а также аналитические статьи ведущих индийских международных экспертов.

В итоге, выявлено, что китайский фактор имеет для Индии преимущественно двустороннее измерение (80% всех материалов): пограничная проблематика, торгово-экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество, использование вод реки Брахмапутра. В частности, он касается стремительного роста экономического и военного потенциала крупного соседнего с Индией государства в ничтожно короткий по историческим меркам срок, а также широких возможностей его использования для продвижения Китаем своих ключевых интересов (не всегда и не во всем совпадающих с индийскими) в двустороннем формате, на региональном и глобальном уровнях. Среди неблагоприятных последствий возвышения Китая индийские аналитики выделяют возможную дестабилизацию обстановки в АТР, в том числе в результате обострения территориальных споров и китайско-американской конкуренции в области безопасности. В условиях неопределенности вокруг характера «подъема» Китая индийцы делают ставку на комплексное самоукрепление путем внутреннего и внешнего балансирования. Последнее предполагает выстраивание конструктивных отношений с наиболее влиятельными государствами мира.

Ю.М. Галенович (*Институт Дальнего Востока РАН*). **Китай как глобальный фактор**

В начале XXI века ситуация в мире в целом изменилась.

Возник новый фактор, фактор Китая, активно воздействующий на международные отношения, и глобально, и в каждом из регионов, и в многосторонних, и в двусторонних отношениях каждой нации с Китаем. Ситуацию с определенными основаниями можно рассматривать как совершенно новую, как взаимоотношения Китая и остального человечества. Здесь и Китай, и остальное человечество оказались в новом для себя положении.

До сих пор человечество никогда в такой ситуации не находилось.

До сих пор Китай никогда такой роли не играл. Ныне с Китаем приходится считаться всем. Всем приходится к нему приспосабливаться.

Одновременно и Китай оказался в совершенно новой для него ситуации, когда он «вышел в открытый космос», то есть стал присутствовать в жизни человечества в целом, должен действовать, существовать и жить в нашем мире, мире землян. В Китае это обозначается термином «открытость».

При этом имеется в виду и открытость Китая для остального человечества, но и, прежде всего, открытость остального человечества для Китая, доступность для Китая, для расцвета деятельности Китая, для использования в интересах Китая любого уголка Земли.

Более того, фактически речь во все большей степени и во все больших случаях идет о том, что Китай постепенно навязывает везде, где это ему удастся, ситуацию, при которой суверенитет той или иной страны оказывается ущемленным в том смысле, что власти такой страны не имеют возможности распоряжаться на тех частях, участках своей территории, своего жизненного пространства, которое фактически оказывается в распоряжении представителей властей Китая: чиновников, бизнесменов, военных и т.д.

В то же время теперь Китаю также приходится в той или иной степени считаться с каждым своим партнером в отдельности, и с вероятными действиями своих партнеров, как по отдельности, так и, так или иначе, совместно.

При этом китайская сторона добивается того, чтобы в каждом случае иметь дела отдельно с каждым своим партнером. Например, даже в Европе китайская сторона принимает меры, направленные на то, чтобы отделять Европу в целом от США, а также разделять саму Европу, «привлекать на свою сторону» ту или иную европейскую страну, получать привилегии, особые права (скажем, владеть портами) в той или иной стране Европы, например, в Греции или в Испании и в Италии, как бы в противовес или по сравнению с другими странами Европы.

Китай, население которого составляет около одного миллиарда четырехсот миллионов человек, то есть примерно одну пятую часть человечества, начинает или начал, играть активную и существенную роль применительно к любому аспекту взаимоотношений всех живущих на земле народов и всех стран. Проблема Китая возникла и становится общей проблемой человечества.

При этом имеет свое значение и численность населения Китая, то есть количественный фактор, а это во внешнем для Китая мире, каждой его составной части, приходится принимать во внимание, и то обстоятельство, что в настоящее время власти КНР утверждают, что в Китае осуществляется социализм со спецификой Китая или исключительно китайский, самобытный китайский социализм. Идеологический аспект проблемы существует и требует внимательного изучения и реагирования.

Остальное человечество впервые в своей истории оказалось лицом к лицу с социализмом в его нынешнем китайском исполнении. Здесь, очевидно, можно говорить о современном, главном и особом, исключительном во всем мире, «практическом социализме» или «социализме на практике».

На практике это означает, что в мире существует и действует государство с самым многочисленным на Земле, как подчеркивают власти КНР, населением; государство, правящей партией в котором является Коммунистическая партия Китая; государство, обладающее мощным военным и экономическим потенциалом; государство, которому не грозит никакое нападение со стороны кого бы то ни было в мире.

Для Китая мир обеспечен навсегда. В том, что касается войны, начала военных действий, во взаимоотношениях со всеми другими государствами все зависит исключительно от властей КПК-КНР.

Наконец, речь идет о государстве, у руководителей которого есть своя глобальная стратегия. Это означает, что они ставят своей целью то, что они именуют «великим возрождением великой нации Китая».

Руководители КПК-КНР претендуют на обладание наилучшими способностями во всем мире в деле осуществления экономической глобализации. И при этом говорят о создании «нового порядка» на планете Земля, порядка в соответствии с представлениями о нем руководителей нынешних КПК-КНР.

Они намерены обеспечивать то, что они считают жизненными потребностями Китая, прежде всего в недрах Земли, а далее в самой земле, в воде и в воздухе, пригодных для жизнедеятельности. Иными словами, величие, лозунг возрождения величия, оборачивается борьбой за существование во всемирных масштабах, борьбой за землю, за сушу и акваторию, за воду для питья и прочих нужд, и за воздух, за чистый воздух для дыхания.

Стратегия руководителей КПК-КНР является глобальной и в том смысле, что они активно действуют не только в каждой области международных отношений – глобальной, региональной, многосторонней и двусторонней, но и в каждой сфере человеческой деятельности, прежде всего, в политике, экономике и культуре.

Именно на этом фоне следует воспринимать и оценивать политику современных руководителей Китая по отношению к нашей стране и к нашему народу.

В этой политике, учитывая историю наших отношений, есть основания видеть их декоративную и сущностную стороны.

Декоративно Пекин считает выгодным для себя провозглашать прекрасное состояние наших отношений. Называть их лучшими в истории, говорить о пике или вершине в их развитии, об обретении ими все более высокого качества, об их новом типе. Декоративная сторона отношений Китая с любой страной предназначена руководителями КПК-КНР и для того, чтобы нейтрализовать, «усыплять» бдительность партнеров, вводить их в состояние «спячки», не оказывая сопротивления в случаях, когда наносится тот или иной ущерб интересам той или иной нации.

На самом деле, на практике нашей стороне во все возрастающей степени приходится испытывать на себе давление со стороны руководителей Китая, настаивающих на выполнении своих все увеличивающихся требований.

Речь идет, прежде всего, о всевозможных природных ресурсах, а далее и о том, чтобы китайцы могли чувствовать себя на территории нынешней России как у себя дома, в Китае. В том числе, как уже упоминалось, при осуществлении торговых и финансовых операций на территории нашей страны, операций, которые приносят китайской стороне десятки, если не сотни миллиардов долларов ежегодно.

Руководители КПК-КНР также побуждают наши власти нигде и никогда в мире (в том числе в нашей стране) не действовать так, чтобы это было сочтено угрозой или нанесением ущерба интересам, или тому, что представляется такими интересами, руководителей КПК-КНР. Это означает, что речь тут идет не о равноправных отношениях независимых и самостоятельных субъектов международных отношений, действующих лиц на мировой арене, а о стремлении заставить подчиниться, следовать за Китаем, выполнять его волю.

Нашей стороне приходится иметь дело с осуществлением руководителями КПК-КНР своей глобальной стратегии применительно к России, а это требует защиты наших интересов везде и во всем, где это вызывается действиями или потенциальной угрозой такого рода действий с китайской стороны.

В настоящее время и во всем обозримом будущем, вопрос о состоянии наших отношений с Китаем и об их перспективах предстает главным и самым важным, жизненно важным, вопросом для внешней политики нашей страны. Короче говоря, вопрос о Китае – главный вопрос внешней политики нашей страны. Именно на этом вопросе необходимо сосредоточить главные усилия в нашей стране в области внешней политики.

От его решения, от обретения или не обретения, возможности обеспечить и защитить интересы нашего народа и нашей страны, зависит существование нас как народа.

Необходимо учитывать активный, наступательный характер осуществления руководителями КПК-КНР их глобальной стратегии, а также тот факт, что вся их деятельность, направленная на нашу страну, осуществляется под руководством из единого центра и в опоре на самый многочисленный в мире партийно-государственный аппарат или механизм.

Фактически каждый китаец видится ими как часть нации Китая, с которой они себя отождествляют, рассматривается и используется ими как «принадлежность», как «имущество», как «собственность» КПК-КНР, как инструмент осуществления их глобальной стратегии.

В нашей стране сама сложившаяся ситуация требует того, чтобы, образно говоря, «везде должны быть наши специалисты по Китаю». Это общегосударственная задача. Глобальная стратегия Китая требует глобального ответа на нее в нашей стране. Таким сегодня выглядит и является «китайское направление» и работа «на китайском направлении».

Я.А. Пляйс (*Финансовый Университет при Правительстве РФ*). **Размышления о новой системе международных отношений и месте в ней России.**

Подъем Китая, начавшийся в конце 70-х гг. прошлого века и продолжающийся сегодня, в год 70-летия КНР, привел к тому, что эта страна уверенно и достаточно быстро продвигается к гегемонии в мировой политике и экономике. По некоторым показателям она уже очень близка к этой роли.

Тема о грядущей роли Китая в мировой политике настолько важна, что на ней следует остановиться подробнее. Особое значение в определении этой роли, безусловно, сыграл 19 съезд Компартии Китая, состоявшийся в октябре 2017 г.

На мой взгляд, этот год и этот съезд со временем войдут в историю международных отношений и мировой политики как судьбоносные, предопределившие радикальный поворот в глобальной истории человечества. Это объясняется тем, что 19 съезд КПК утвердил новый курс внешней политики Китая, определил стратегические цели, выполнение которых может занять не одно десятилетие и основательно отразиться на всем мире, а также на глобальной системе международных отношений.

Съезд открылся 18 октября докладом председателя КНР Си Цзиньпина, в котором он заявил, что «социализм с китайской спецификой вступил в новую эру», что речь идет «о дальнейшем развитии марксизма в контексте Китая», о создании «великой державы современного социализма» к середине XIX века. Выполнить эту задачу планируется в два этапа. На первом, с 2020 по 2035 гг., КПК будет строить «общество умеренного процветания». За это время должны быть завершены базовые реформы, на основе чего к 2050 г. должна быть создана та самая «великая держава», которая станет «процветающей, сильной, демократической, культурно развитой, гармоничной и красивой». Первым пунктом в докладе руководителя КНР выделяется развитие реального сектора экономики, а вторым – открытость КНР для всего мира.

В области дипломатии Китай, как все последние три тысячи лет, не намерен проводить агрессивную внешнюю политику, стремиться к гегемонии. «Мы, – отметил Си Цзиньпин в своем докладе, – должны относиться друг к другу с уважением, проводить равноправные консультации, решительно отказаться от

менталитета холодной войны и политики силы... Разногласия надо решать через диалог и партнерство, а не конфронтацию и блоковое мышление»².

Говоря о новой внешнеполитической стратегии Китая, профессор Высшей партийной школы при ЦК КПК Синь Мин отметил: «Исходя из новой позиции развития, Китай должен взять на себя ответственность принять активное участие в глобальном управлении. Выступая с ценностной концепцией «общества единой судьбы», необходимо сформировать более справедливые международные отношения нового типа, основой которых являлись бы сотрудничество и взаимный выигрыш. А также на примере китайского пути продемонстрировать человечеству новую модель развития в его поиске к лучшему общественному строю»³. Китай «ни при каких обстоятельствах не откажется от своих законных прав», но и не станет жертвовать интересами других стран ради собственной выгоды. «Какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона» – заявил председатель КНР⁴.

Далеко не все аналитики согласны с тем, что Китай выступает против экспансии и баланса сил, за гармонию и «совместное использование» возможностей развития. «Мантры про гармонию и бескорыстие совместного развития перестают работать, – считают они, – когда речь идет о гигантской стране с огромным экономическим, человеческим и опять-таки геополитическим потенциалом, которая к тому же активно наращивает свои военные возможности»⁵.

На состоявшейся в марте 2018 г. сессии Всепекинского собрания народных представителей в Конституцию страны была внесена поправка, в соответствии с которой ранее принятые ограничения – два пятилетних срока во главе страны – были сняты. «Продление власти Си Цзиньпина, – считает Федор Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России, – сигнал того, что КНР всерьез нацелился на штурм глобальных вершин. Сдержанность в духе Дэн Сяопина (скрывать амбиции и накапливать потенциал) более не является основополагающим принципом. Это окажет очень заметное влияние на международную политику.

Следующие 10 лет (если Си ограничится третьим сроком, а не нацелится дальше) будут временем окончательного формирования глобальной миссии Китая и ускоренной разработки инструментов ее осуществления»⁶.

Соглашаясь с мнением Ф. Лукьянова в принципе, необходимо все же заметить, что все произойдет не за 10 лет, как он считает, а намного скорее. Тем

² Цит. по: К. Волков. Китай озвучил планы // Российская газета. 2017. 19 октября.

³ Синь Мин. Показать миру новый путь // Российская газета. 2017. 18 октября.

⁴ Цит. по: Е. Забродина. Пекин без претензий // Российская газета. 2017. 20 октября.

⁵ Федор Лукьянов. Геополитика по Станиславскому // Российская газета. 2017. 19 октября.

⁶ Лукьянов Федор. Без отмеренного срока // Российская газета. 2018. 28 февраля.

более, что Китай давно уже к этому готовится. Вкладывая триллионы долларов в глобальные проекты и одновременно в транзитные государства, повсеместно создавая необходимую инфраструктуру для освоения пространства и распространения своего влияния, КНР близка к реализации новой роли глобальной сверхдержавы.

Что же вытекает из вышесказанного? На мой взгляд, прежде всего то, что мир достаточно быстро движется к *новой биполярности*. Но каким будет это новое мироустройство? Прежде чем ответить на этот вопрос, выскажу свое мнение относительно закономерностей развития миропорядка за последние несколько веков.

Из многих региональных плюсов со временем в борьбе с другими выделяется самый сильный по *совокупной мощи*, слагаемые которой время от времени меняются. Этот полюс стремится сохранить свое лидерство на все времена, но достаточно скоро (по историческим меркам) появляются другие претенденты, которые также не скрывают своих лидерских амбиций. Начинается острая борьба за первую роль в мире. Все это означает, что из многополярности, которая всегда была и есть и будет естественным состоянием мира, вырастает временная однополярность, а затем появляется новый претендент на мировое господство и начинается период биполярности – наиболее опасное состояние мира. Опасное потому, что биполярность не может существовать без антагонизмов. Однако уровень этих антагонизмов зависит от типа биполярности. В моем понимании эти типы следующие:

- неантагонистический тип (Великобритания – США, принадлежащие к одной системе ценностей);
- антагонистический (СССР – США);
- новый тип – полу(?)антагонистический тип (США – КНР).

Характеристика каждого из этих типов дана мною в статье «На пути к новой биполярности»⁷.

Не имея возможности остановиться на этом вопросе более подробно, отмечу лишь следующее.

Тип системы международных отношений напрямую зависит от типа полярности. При *однополярном* состоянии система международных отношений стремится к монополии гегемона при устойчиво усиливающимся сопротивлении его основных конкурентов. Такое состояние длится до перехода к биполярности, во время которого основной претендент (в настоящее время это Китай) формирует свое окружение, ищет принципы, формы и методы *своей* системы международных отношений, стремится утвердить в качестве основных, доминирующих в будущем.

С точки зрения стабильности систем биполярная система, пожалуй, наиболее стабильная, поскольку она основана на балансе сил, или их *относитель-*

нам равновесии, которое каждая из конкурирующих сторон стремится изменить в свою пользу. Одновременно эта система и самая опасная, так как жидется на открытой всесторонней конфронтации.

Многополюсный мир, который, как уже говорилось выше, всегда существовал и будет существовать, по определению, не может иметь адекватную сбалансированную систему международных отношений, в основном из-за множественности полюсов с разнонаправленными интересами.

Обобщая, отмечу, что единой системы международных отношений никогда не было, нет и в обозримом будущем едва ли образуется даже если развивающаяся глобализация унифицирует наш мир, что также едва ли возможно. Поэтому трансформация мира, о которой говорилось выше и соответствующие ей международные отношения будут господствовать и впредь. И всем нам придется приспосабливаться, привыкая к постоянным переменам. Та страна, которая будет быстрее адаптироваться, окажется в выигрыше, в победителях. При этом нельзя забывать о постоянной турбулентности глобальной политики.

Состояние турбулентности, кстати говоря, стало типичным и едва ли скоро пройдет, тем более, что для переходных периодов такое явление – нормальное состояние, так же, как холодная война для биполярности.

И еще об одном. В конце мая 2018 г. в Москве состоялись третьи «Примаковские чтения», в которых участвовали известные зарубежные эксперты, авторитетные политики, бывшие руководители государств, российские ученые, представители власти и бизнеса. Сквозной темой этого представительного научно-экспертного форума, занимающего 7-е место в списке 10 лучших конференций в мире, была тема фундаментального кризиса между Западом и Россией, с одной стороны, и между Западом и остальным миром – с другой. Рост глобальной нестабильности, напряженности также были в фокусе внимания собравшихся. Опасаясь возврата к новой биполярности, новой холодной войне, эксперты искали пути избежать такой ситуации.

Между тем по прогнозам к 2040 г. доля Китая в мировой экономике может достичь 30%, а США снизится до 10%, но конкуренция этих двух государств не должна угрожать другим странам, отмечали участники форума. Китай не стремится к гегемонии, но свои интересы защищать будет. «Наши капиталы должны найти применение», – заявил вице-президент Института международных и стратегических исследований при Пекинском университете Гуань Гуйхай.

Председатель Совета Федерации В. Матвиенко высказала на этом форуме традиционную для России точку зрения, состоящую в том, что в мире складывается многополярность. Но как жить в новых условиях, пока согласованного ответа нет и мир продолжает скользить к новым конфликтам.

На форуме выступил и министр иностранных дел России С. Лавров. Он отметил, что в условиях нестабильности стоило бы направить совместные

⁷ См. Глобальные геопроекты и Россия / под общ. ред. Я.А. Пляйса. М.: Международные отношения, 2019. С. 12–43. [Global'nnyye geoproekty i Rossiya (Global Geoprojects and Russia) / Ed. Ya.A. Plyas. Moscow: International Relations, 2019. Pp. 12–43.]

усилия на то, чтобы обеспечить устойчивое поступательное развитие стран и повышение уровня жизни населения.

Вопрос о перспективах международных отношений С. Лавровым, судя по информотчетам не ставился. Хотя ранее, он не раз говорил о том, что мир переживает эпоху многополярности⁸.

Размышления о новой системе международных отношений приводят к неоднозначным выводам.

Во-первых, потому, что по этому вопросу существуют различные точки зрения. Весьма отчетливо они были сформулированы в статье секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н. Патрушева «Видеть цель», опубликованной в «Российской газете» 12 декабря 2019 г.⁹. Отмечая в ней важность комплексной экспертно-аналитической работы, нацеленной на подготовку прогнозов и сценариев на перспективу, Н. Патрушев пишет: «В Стратегическом прогнозе Российской Федерации на период до 2035 года выделяется четыре сценария развития глобальной ситуации. А именно: первый из них — это переход к полицентричному миропорядку. Второй — продолжение попыток США сохранить свое доминирование. Третий — формирование биполярной модели мироустройства. И, наконец, четвертый сценарий развития — усиление процессов регионализации»¹⁰.

Учитывая, что «объективная геополитическая реальность значительно сложнее любых абстрактных схем», отметил Н. Патрушев далее, что «ни один прогноз не может реализоваться на 100%», «можно говорить, скорее о доминировании тех или иных тенденций в современном мире»¹¹. Важно, что в статье Н. Патрушева говорится о том, что «на роль ведущей мировой державы сегодня претендует Китай, а такие государства, как Индия, Бразилия и ЮАР, уверенно утвердились в качестве лидеров в своих регионах», что Китай «начал уверенно оспаривать статус США как глобального экономического лидера. Сегодня эта страна уже генерирует больший объем ВВП (по паритету покупательной способности), чем США»¹². Не вдаваясь в содержательную дискуссию с Н. Патрушевым, отмечу лишь, что из четырех сценариев, упомянутых в его статье, ссылаясь на Стратегический прогноз Российской Федерации до 2035 года, наиболее реалистичные

два — 2-й и 3-й. Действительно, США всеми силами и способами будут продолжать стремиться «сохранить свое доминирование», однако Китай уже вовсю «наступает им на пятки» и все больше теснит их. Все это говорит о том, что международная ситуация и международные отношения развиваются по определенным законам.

Реалистичный взгляд на современную ситуацию в мире присутствует и в статье «Восточный поворот». Ее авторы А. Ильницкий, член СВОП и А. Лосев, член Президиума этой же организации утверждают следующее: «Продолжается война за ресурсы: энергетические, человеческие, производственные, интеллектуальные — за все то, что обеспечит будущую победу в схватке за лидерство среди держав. На горизонте одного-двух десятилетий последует настоящая война за гегемонию (дай бог, неядерная), а, возможно, и цивилизационная война»¹³. Китай в статье не упоминается, но, как представляется, и так достаточно понятно, что основными соперниками в борьбе за глобальное лидерство будут США и Китай.

Далее в статье подробно говорится о том, что следует предпринять России, чтобы не допустить ее десубъективизации, т.е. не допустить ее превращения «из субъекта мировой политики в объект, которым можно управлять в своих целях»¹⁴.

Не вдаваясь в тему, какой должна быть внешняя политика России в быстро меняющемся и турбулентном мире, так как это тема для отдельного разговора, отмечу лишь еще, что в споре о нынешней и будущей полярности мира участвуют ученые самого высокого уровня. В подтверждение приведу лишь суждение лауреата Нобелевской премии по экономике 2001 года Джозефа Стиглица. Отвечая на вопрос корреспондента «Российской газеты» «Как в ближайшие десятилетия поменяется расклад экономических сил?» Стиглиц сказал: «Скорее всего, в будущем мир станет более многополярным. Точнее предсказать сложно: мы живем в условиях основополагающей фундаментальной неопределенности. Она есть практически во всех регионах мира — Европе (период затяжных отрицательных ставок в евро, уход Великобритании из Евросоюза), США (здесь прослеживается тенденция на изоляцию и глобализацию одновременно), Китае (не очень понятно в какую сторону развивается местная политическая система). Все это крайне затрудняет любое прогнозирование, тем более долгосрочное»¹⁵.

Сторонниками концепции многополярного мира являются, как известно, абсолютное большинство политиков и ученых. Приведу еще мнение Е. Некрасовой, которая в статье «Что тоже не нравится американцам» пишет следующее: «Сама жизнь заставляет страны, пострадавшие от экономического диктата, искать спасение в восстановле-

⁸ Подробнее о третьих «Примаковских чтениях» см.: Рыбаков А. Честно, по-примаковски // Российская газета, 2018. 21 мая; Гайва Е. Не только бизнес // Российская газета, 2018. 31 мая.

⁹ Как сообщила та же «Российская газета» от 5 декабря 2019 г. (см. заметку Ивана Егорова «Связаны одной целью»), статья Н. Патрушева была сразу же переведена на китайский язык и опубликована в центральных печатных изданиях КНР. Российско-китайские и российско-американские отношения, сообщается также в данной заметке, были основным предметом второго раунда российско-китайских консультаций по стратегической безопасности, состоявшегося в Шанхае в начале декабря 2019 г. Между Н. Патрушевым и членом Политбюро ЦК КПК Ян Цзечи.

¹⁰ Патрушев Н. Видеть цель // Российская газета, 2019, 12 ноября.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ильницкий, А. Лосев. Восточный поворот // Российская газета, 2019. 16 октября.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Кризис не придет, если... // Российская газета, 2019. 28 ноября.

нии многополярного мира и объединения ресурсов для отстаивания своих интересов»¹⁶.

Говоря далее о развитии экономического партнерства России со странами Азии, вызвавшем «озабоченность европейских и американских экспертов», Е. Некрасова приводит следующую цитату известного немецкого политолога Александра Рара: «В Азии создается самое большое экономическое пространство, которое когда-либо кто-либо видел на протяжении всей истории человечества. Это 50 процентов от всей мировой экономики. На базе всех этих экономических процессов будут создаваться и политические институты, военные союзы, которые выстроят будущий мировой порядок»¹⁷.

Соглашаясь в целом с логикой и направлением размышлений Рара, замечу все же, что «будущий мировой порядок» выстроят не только новые азиатские реалии, но и то, что будет происходить на других континентах, особенно на американском и европейском. Новый биполярный мир будет, как мне представляется, намного сложнее прежнего. Европе, и особенно России, в частности будет непросто определиться, к какой системе международных отношений примкнуть.

Е.Н. Румянцев (*Российский Институт Стратегических Исследований, РИСИ*). **О 70-летию КНР.**

В соответствии с Циркуляром китайских руководящих органов от 19 мая 2019 г.¹⁸ в связи с 70-летием КНР в стране была развернута мощная кампания, в центре которой лежал тезис о движении КНР «от победы к победе». В Пекине представляют КНР внешнему миру как «новый Китай», предлагая ему иметь дело только с этим Китаем, синонимом которого является КПК. При этом утверждают, что Китай за последние 70 лет «совершил великий скачок от эпохи догоняющего развития к эпохе, в которой он направляет развитие мира»¹⁹.

Отсчет «славного пути» ведется с опиумной войны 1840–1842 гг., в результате которой Китай претерпел «унижения» и попал в тяжелейшее положение, из которого, по официальной версии, его спасла КПК. В дальнейшем китайцы, «опираясь на собственные силы, в упорной борьбе сотворили известное всему миру китайское чудо»²⁰. Китайский народ, утверждает современная пропаганда Пекина, победил внешних и внутренних врагов и под руководством Коммунистической партии нашел единственно верный, отвечающий условиям Китая путь развития, «встал во весь рост», разбогател и «стано-

вится сильным». Более того, он дает миру «китайскую мудрость» и «китайский проект», «является образцом» для других народов.

Несмотря на неоднократные заявления Си Цзиньпина о том, что «мы строим социализм, а не какой-то другой ‘изм’», в освещении прошедших 70-ти лет полностью отсутствовали какие-либо классовые и интернациональные мотивы. КПК позиционируется как партия всей китайской нации и гарант ее «возрождения». Подчеркивается, что «без руководства КПК национальное возрождение неизбежно окажется пустыми мечтаниями», «наша партия должна править в Китае в течение длительного времени, это необходимость, обусловленная коренными интересами народа»²¹.

Лейтмотивом празднования стало слово «великий»: великий Китай, великая нация, великое возрождение, великая борьба, великое дело, великий дух и т.д. Еще одним «ключевым словом» было слово «борьба», что явно обусловлено сложной политической и экономической ситуацией в Китае и вокруг него. Выступая 3 сентября 2019 г. в Центральной партийной школе, Си Цзиньпин упомянул «борьбу» 58 раз. Большой праздничный концерт по случаю юбилея проходил под лозунгом «Боритесь, сыновья и дочери Китая».

Наряду с показом достижений в экономике, военном деле, внешней политике, в пропаганде подчеркивались такие аспекты современной политики КПК и лично Си Цзиньпина, как борьба с бедностью, забота об окружающей среде, развитие традиционной культуры Китая. Особое внимание было уделено теме сплочения всех национальностей КНР. В то же время констатировалось, что «Китай остается самой большой в мире развивающейся страной, по ВВП на душу населения имеет в мире средние показатели, по-прежнему существует проблема несбалансированности в уровнях развития между городом и деревней, различными регионами, в развитии науки и техники достигнуты существенные успехи, однако и узких мест здесь по-прежнему немало»²².

Сквозной темой было наступление в КНР «новой эпохи», которая, по замыслу, неразрывно связана с правлением и «идеями» Си Цзиньпина. Это выражение впервые появилось в материалах 19-го съезда КПК (2017 г.), однако в последних публикациях центральной печати КНР утверждается, что «новая эпоха» ведет отсчет с 2012 г.²³, то есть с момента прихода Си Цзиньпина к власти. При этом ряд опубликованных в последние месяцы в официальных СМИ материалов прямо направлены на формирование культа личности нынешнего китайского лидера. Например, в одной из статей инспекционная поездка китайского лидера по провинции Ганьсу (август 2019 г.) описывалась в следующих выражениях: «Одна пара, две пары, бесчисленные пары

¹⁶ Некрасова Е. Что тоже не нравится американцам // Российская газета. 2019. 22 ноября.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Чжун бань го бань инфа тунжи (Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета разослали циркуляр) // «Жэньминь жибао», 20 мая 2019 г.

¹⁹ Дао Пин. Чжэунхуа миныцу фэньюдо дэ цидянь ши цзы ли гэн шэн (Основой борьбы китайской нации является опора на собственные силы) // «Жэньминь жибао», 17 октября 2019 г.

²⁰ Цитата из новогоднего обращения (2019 г.) Си Цзиньпина. Цит. по: Сюань Янь. Сюан гуань мань дао чжэнь жу те (Путь впереди тяжел) // «Жэньминь жибао», 26 сентября 2019 г.

²¹ Жэнь Чжунпин. Чусинь чжунцзо цянй шю вэй е (Из первоначальных идеалов выковывается дело на тысячи лет вперед) // «Жэньминь жибао», 30 сентября 2019 г.

²² Ibid.

²³ Ibid.

взволнованных рук тянулись к нему, и генеральный секретарь по очереди касался их своей сильной и теплой рукой. Находящиеся на отдалении туристы восторженно его приветствовали. Си Цзиньпин часто махал им, выражая свою любовь к народу.... Момент истории зафиксировал драгоценную историческую картину: народ любит народного вождя, народный вождь любит народ»²⁴.

Продолжалось резко усилившееся при Си Цзиньпине новое возвеличивание Мао Цзэдуна. Эта тенденция заметна в публикациях китайских СМИ, а также в новых сериалах Центрального телевидения КНР, снятых в честь нынешнего праздника и предстоящего в 2021 г. 100-летнего юбилея КПК. К этому выводу приводит и наблюдение за поведением нынешнего китайского лидера, который в своих выступлениях, если и упоминает кого-то из своих предшественников, то только Мао.

В то же время имя Дэн Сяопина в Пекине сейчас не звучит, хотя в связи с 115-ой годовщиной со дня его рождения (23 августа 2019 г.) в КПК и среди китайской общественности вновь активизировались дискуссии вокруг наследия этого деятеля. По данному поводу в китайской блогосфере появились размышления, заслуживающие, на наш взгляд, внимания. Их автор, в частности, писал: «Дэн Сяопин – трагическая фигура. Со времени его смерти прошло всего 22 года, а его экономическая политика уже полностью дезавуирована», «установка, согласно которой центральной задачей является экономическое строительство, заменена установкой “политика – командная сила”»; его «принципы “одна страна – две системы”, “в течение 50 лет политическая система Гонконга остается неизменной”, приведенные в этом городе в состояние полного хаоса». Автор утверждал также, что «отвергнутые Дэном культ личности, система пожизненного занятия руководящих должностей, единоличная неограниченная власть вновь вышли на поверхность», «прозападный внешнеполитический курс выброшен на свалку, обмен напаками между Китаем и странами Запада превратился в новую нормальность». По его словам, «Дэн Сяопин убедил страны Запада помочь Китаю осуществить экономическую модернизацию», однако, дескать, «и представить себе не мог», что ее результаты будут использованы для того, чтобы «до зубов вооружить диктатуру, превратить Китай в копипершика и двигатель новой гонки вооружений, обогатить народы Африки», которые «пользуются политической благотворительностью» китайской нации, для «борьбы за мировую гегемонию с Соединенными Штатами»²⁵.

Некоторые китайские авторы утверждают, что Дэн Сяопина «свергли» три раза при жизни, а сейчас «после смерти его свергли в четвертый раз»²⁶.

²⁴ Жэньминь линсю ай жэньминь (Народный вождь любит народ) // «Жэньминь жибао», 25 августа 2019 г.

²⁵ Цит. по: Чжэн Цзинпин. Дэн Сяопин мэи ба сюаньляо цзяо-гэй жэньминь бэй цыцзи дабай (Дэн Сяопин не дал народу избирательные бюллетени и в результате сам потерпел поражение) «Цяньшао», 2019, №10, с. 20.

²⁶ Ibid. С. 21.

В праздничных выступлениях председателя КНР была выдержана линия на прославление «великого Китая». Так, на приеме в Доме народных собраний он заявил: «Китайский народ – это великий народ, китайская нация – это великая нация, китайская цивилизация – это великая цивилизация»²⁷. 1 октября на митинге на площади Тяньаньмэнь в Пекине китайский лидер говорил о том, что с образованием КНР была изменена «трагическая судьба Китая», «китайская нация вступила на путь великого возрождения». По его словам, за прошедшие 70 лет китайский народ добился «великих успехов, известных всему миру», в настоящее время в мире «нет силы, способной поколебать положение нашей великой Родины, воспрепятствовать движению китайского народа и китайской нации вперед». На этом «пути вперед» необходимо «отстаивать руководство со стороны КПК», «путь самобытного китайского социализма», «путь мирного развития», «стратегию открытости»²⁸.

В связи с вышеизложенным первостепенное значение придавалось пропаганде военного могущества современной КНР. В качестве отдельного сюжета воспроизводилась история создания китайского ракетно-ядерного оружия. Необходимо отметить, что данный сюжет носит от начала и до конца антисоветский характер. Согласно официальной версии, которая доведена в КНР до самых широких слоев населения, наша страна оказала Китаю помощь в овладении ядерной энергией только на самом начальном этапе и в ограниченных пределах. Бомбу китайцы, мол, сделали сами. Это неправда от начала и до конца. Все атомные секреты СССР передал Китаю еще до того, как в Москве приняли явно запоздалое решение не передавать макет атомной бомбы (именно это решение и обыгрывает с тех пор и до настоящего времени пекинская историография и пропаганда).

Проведенный 1 октября самый большой в истории Пекина военный парад, на первый взгляд, был адресован, в первую очередь, США, Тайваню, странам Юго-Восточной Азии²⁹. В комментариях китайских СМИ говорилось, что вся представленная на параде техника – китайского производства. Писали, что «генеральный секретарь Си Цзиньпин указывает: “Основой борьбы китайской нации является опора на собственные силы”»³⁰.

²⁷ Цинцжу Чжунхуа жэньминь гунхэо чэнли 70 чжоунянь чжаодайхуй цзай цзин лунчжун цзюйсин (В Пекине состоялся торжественный прием по случаю 70-летия образования КНР) // «Жэньминь жибао», 1 октября 2019 г.

²⁸ Си Цзиньпин. Цзай цинцжу Чжунхуа жэньминь гунхэо чэнли 70 чжоунянь дахуй шан дэ цзинхуа (Речь на митинге по случаю 70-летия образования КНР) // «Жэньминь жибао», 2 октября 2019 г.

²⁹ По некоторым американским оценкам, «китайские вооруженные силы следует уважать, но бояться их не нужно». См. Peck, Michael. China's Military Deserves America's Respect, But Not Its Fear // *The National Interest*, September 15, 2019.

³⁰ Цао Пин. Чжэунхуа миньцзу фэньдоу дэ цзидянь ши цзы ли гэн шэн (Основой борьбы китайской нации является опора на собственные силы) // «Жэньминь жибао», 17 октября 2019 г.

В то же время демонстрация военной мощи была предназначена не только и, возможно, не столько для внешних оппонентов КНР. Обращает на себя внимание, что в приказе о поощрении участников парада в числе важнейших задач вооруженных сил были названы «защита авторитета» ЦК и Генерального секретаря ЦК КПК, а также «неуклонное проведение в жизнь системы ответственности Председателя Центрального военного совета»³¹, то есть власти над армией лично Си Цзиньпина. Это обусловлено, прежде всего, внутривластными соображениями.

В одной из установочных статей «Жэньминь жибао» по поводу юбилея было сделано весьма примечательное заявление. В ней говорилось, что «мы не боимся опасностей, если уж бояться, то бояться того, что Китай уже длительное время живет в условиях мира, у него не хватает боевого духа»³².

Судя по немногочисленным публикациям, китайская позиция по чувствительным вопросам истории наших двусторонних отношений не изменилась. Так, в них была проигнорирована роль нашей страны в создании КНР. Скупое говорилось о нашей помощи Китаю в 1950-х гг. В одной из установочных статей данный вопрос подавался следующим образом: «В самом начале³³ мы могли учиться только у Советского Союза, механически копировали советский опыт, однако очень быстро осознали, что советская модель имеет ограничения, и выдвинули лозунг использования СССР в качестве “учителя наоборот”»³⁴. В обширном документе, подготовленном к юбилею Академией истории партии и документов при ЦК КПК, было уточнено, что, в конечном счете, СССР построил для КНР не 156, а 150 предприятий. Там же излагалась, в частности, и стандартная китайская версия событий 1969 г. («советская агрессия», «были вынуждены вести бой в целях самозащиты» и т.п.)³⁵.

В целом 70-летие КНР официальный Пекин позиционировал как праздник прежде всего КПК, китайского народа и китайской нации. Тем не менее, в ряде материалов констатировались также и факты из истории наших двусторонних отношений, такие, как взаимное дипломатическое признание КНР и СССР, последовавшее на второй день после создания КНР, подписание ими Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950 г.) и даже «продолжавшийся более двух месяцев» визит Мао Цзэдуна в нашу страну (декабрь 1949 – февраль 1950 гг.). Отмечалось поступательное развитие российско-китайских

торгово-экономических отношений в наши дни. Поощрялись, морально и материально, заявления иностранных «друзей Китая» о прошедшем 70-летию как «лучшей главе» китайской истории»³⁶.

В то же время характерно, что в цитированном выше документе Академии истории партии и документов при ЦК КПК установление дипломатических отношений между СССР и КНР 2 октября 1949 г. было поставлено в один ряд с установлением КНР в январе 1964 г. дипломатических отношений с Францией – «первой крупной страной Запада, установившей дипломатические отношения с новым Китаем»³⁷.

Министр иностранных дел КНР Ван И в статье, опубликованной накануне юбилея одновременно со статьей министра иностранных дел России С.В. Лаврова в СМИ наших двух стран, отметил, в частности, что «определение линии прохождения границы окончательно разрешило доставшуюся от истории проблему, долгое время являвшуюся раздражителем для сторон, сняло груз с китайско-российских отношений, устранило барьеры»³⁸.

В вышеуказанной статье российского министра иностранных дел обращает, в частности, на себя внимание заявление, согласно которому «нам удалось вывести за скобки чувствительные темы общего прошлого, оставив их историкам»³⁹.

По этому поводу следует отметить, что сотрудники китайского подразделения МИД России, участвовавшие в подготовке данной статьи, использовали, вывернув при этом наизнанку, предложения, которые уже в течение ряда лет высказывает проф. Ю. М. Галенович. Он, в частности, писал: «Что касается оценки тех или иных исторических документов и событий, то эти вопросы желательно перевести в категорию чисто научных и исторических, а также предложить китайской стороне отделять научные дискуссии от практическо-политических проблем. Собственно говоря, необходимым представляется исключение вопроса о границе и территориях из сферы государственной политики и перевод их исключительно в область научных дискуссий. Необходимо также исключение из программ преподавания в общеобразовательных школах и всех других учебных заведениях тезисов о “территориальных захватах”, “территориальном долге”, “неравноправных договорах”»⁴⁰. Наряду с этим он предлагал исходить из того, что учёные обеих стран имеют возможность

³¹ Чжунъян цзюньзэй чжуси Си Цзиньпин цяньюшун тунлин (Председатель ЦВС Си Цзиньпин подписал приказ) // «Жэньминь жибао», 2 октября 2019 г.

³² Жэнь Чжунпин. Чусинь чжунцзю цяньюшун вэй е (Из первоначальных идеалов выковывается дело на тысячи лет вперед) // «Жэньминь жибао», 30 сентября 2019 г.

³³ Существования КНР.

³⁴ Чжунго даолу вэйшэмо хао (Чем хорош китайский путь)? // «Жэньминь жибао», 14 августа 2019 г.

³⁵ Чжунхуа жэньминь гунхэо да шицзи (Важные даты истории КНР). Октябрь 1949 – сентябрь 2019 // «Жэньминь жибао», 28 сентября 2019 г.

³⁶ Тавровский Ю.В. Второе дыхание. Речь на церемонии награждения Национальной премией КНР // Завтра, 5 сентября 2019 г.

³⁷ Чжунхуа жэньминь гунхэо да шицзи (Важные даты истории КНР). Октябрь 1949 – сентябрь 2019 // «Жэньминь жибао», 28 сентября 2019 г.

³⁸ Ван И. Циши нянь фэн юй цзяньчэн, синь шидай фн фань цихан (70 лет движения вперед сквозь дожди и ветра – в новую эпоху) // «Жэньминь жибао», 26 сентября 2019 г.

³⁹ Лавров С.В. Партнерство, устремленное в будущее // Российская газета, 26 сентября 2019 г.

⁴⁰ Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2014 (электр.). С. 260. [Galenovich, Yu.M. Rossiya – Kitay: shest' dogovorov (Russia – China: Six Treaties). Moscow, 2014 (electronic). P. 260.]

излагать свои взгляды на эти вопросы. Важно, чтобы такого рода трактовки не подавались как официальная и единственно правильная позиция властей той или иной страны⁴¹.

В 2004 г. авторитетные китайские руссоеведы в ходе всекитайской конференции специалистов по России ответили на эти предложения следующим образом: «Сейчас профессора галеновичи требуют, чтобы проблемы истории отношений Китая и России мы “превратили в объект чисто научного исследования”, то есть требуют от нас переписать все существующие учебники истории, заставляют нашу страну в деле воспитания молодого поколения или встать на позиции царской России и защищать агрессию царской России против Китая, или, по крайней мере, замалчивать этот исторический период. Позволительно спросить, какое мы имеем право так вести себя в отношении людей Китая, потомков, наших детей и внуков? И каким же образом мы сможем это сделать?! Не равносильно ли это тому, как если бы мы уходили от обсуждения столь же трудной проблемы, как история агрессии японского милитаризма в Китае, или ограничивались беглым упоминанием об этом?!»⁴².

Насколько известно, вплоть до настоящего времени позиции сторон не претерпели изменений. В последние годы в ответ на робкую критику вышеуказанных позиций китайской стороны отдельными российскими представителями можно было услышать рассуждения о том, что «это часть патристического воспитания в нашей стране, вас это никак не касается».

Представляется, что такая позиция китайской стороны лишает наши нынешние отношения стратегического партнёрства позитивной исторической и эмоциональной основы. Все это не может быть прочной основой для здорового долговременного развития отношений между Россией и Китаем.

Отметим также, что чувствительные вопросы в контексте истории отношений между нашими странами не ограничиваются проблемами территорий и границы. Так, в демонстрировавшихся в 2019 г. по первому каналу Центрального телевидения КНР в «золотое время», то есть с 20 часов по местному времени, документальных и художественных сериалах в искаженном и даже откровенно клеветническом виде показывались важные эпизоды истории отношений КПК и КНР с нашей страной, Коминтерном, ВКП(б) и КПСС. Например, в многосерийном художественном фильме «Коммунист Лю Шаоци» (共产党人刘少奇) при показе второго «московского» периода (1930-1931 гг.) жизни этого выдающегося деятеля КПК и КНР есть сцены, в которых скромности, присущей, дескать, китайским коммунистам и вообще китайцам, противопоставляются изображаемые пропагандой КПК уже в течение длительного времени барство, пьянство, высокомерие русского народа и его представите-

лей, имеющих дело с иностранными коммунистами. Устами Мао на Советский Союз и Коминтерн сваливают в фильме вину за неудачи и жертвы, понесенные Компартией Китая в «революционной борьбе» за власть над Китаем. В клеветнически-карикатурном виде представили создатели фильма Ван Мина – одного из руководителей КПК 1930-х-1940-х гг., который последовательно выступал за дружбу с нашей страной.

Самого Лю Шаоци изображают как «верного ученика председателя Мао». Характерно, что фильм заканчивается приходом КПК в 1949 г. к власти в стране. За кадром остались последовавшие за этим события, в том числе и судьба самого Лю Шаоци, замученного в 1969 г. в маоистских застенках по приказу «великого кормчего».

Еще один сериал называется «Великий поворот» (伟大的转折). Имеется в виду т.н. Великий поход китайской Красной армии 1934-1936 гг. Мао представлен в фильме непрерываемым авторитетом в партии и великим полководцем. В каждой серии звучит песня с припевом «Храни в сердце память о Мао Цзэдуне». Советник Коминтерна Отто Браун, отстраненный Мао и его подручными от выполнения своих функций после известного совещания в Цзуньи в январе 1935 г., изображен в карикатурно-издательском виде. В одной из сцен он приходит к Мао Цзэдуну с просьбой разрешить ему отправиться в войска «для обследования и изучения», «овладения практикой китайской революции». Сцена заканчивается уходом Отто Брауна, после чего его переводчик У Сююань обращается к Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю с просьбой «разрешить ему больше не переводить Ли Дэ (китайский псевдоним Брауна – Е.Р.), а дать другое поручение». В дальнейшем У Сююань занимал ряд высоких должностей во внешнеполитическом аппарате КПК, принимал активное участие в практической реализации анти-советской политики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Написал мемуары, в которых называет 1950-е гг. не «медовым месяцем» в советско-китайских отношениях, как многие авторы, а «периодом сотрудничества и борьбы».

В сентябре-октябре 2019 г. вслед за этим произведением по 1 каналу ЦТ КНР демонстрировался сериал «Годы волнений и тревог» (激情的岁月) – очередное произведение, посвященное созданию китайского ракетно-ядерного оружия. В данном фильме присутствуют выпады против советских специалистов и насмешки над испытывающими к ним уважение китайскими учеными (один из них в лозунговом духе заявляет коллегам, нашедшим ошибку в расчетах советских ученых, что «советские специалисты никогда не ошибаются»).

В документальном сериале «Мы идем по большому пути» (我们走在大路上) специально снятом по случаю 70-летия КНР по заказу Отдела пропаганды ЦК КПК и показанном по китайскому Центральному телевидению накануне юбилея, «идеям Си Цзиньпина» противопоставлены «уроки гибели КПСС».

2 октября 2019 г., то есть на следующий день после парада в Пекине, вышел очередной номер

⁴¹ Галенович Ю.М. Частное сообщение.

⁴² Чжун э гуаньси дэ лишн юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфэн, 2004. С. 635.

главного политико-теоретического журнала КПК «Цюши» со статьей Си Цзиньпина. Статья представляет собой часть закрытой и ранее не публиковавшейся речи Си перед новоизбранными членами ЦК КПК и партийными руководителями провинциального звена 5 января 2018 г. Речь была посвящена необходимости усиливать партийное строительство с учетом многочисленных внутренних и внешних угроз, главной из которых являются угрозы, существующие внутри КПК. В этой связи Си Цзиньпин вспомнил и о пресловутых «уроках гибели КПСС». Он сказал: «Мне уже приходилось говорить об этом. В ходе тех потрясений⁴³ не оказалось ни одного мужчины, никто не вышел на улицу с протестом»⁴⁴.

В заключение необходимо сказать, что минимум для нескольких десятков миллионов китайцев на Тайване, в Гонконге, в эмиграции, да и внутри КНР 1 октября – это не национальный праздник, а «день скорби». Как указывают в этой связи многие отечественные и зарубежные китаеведы, КПК пришла к власти с помощью насилия (достаточно вспомнить о лозунге Мао «винтовка рождает власть») и обмана. Новая власть крестьянам сулила землю, а загнала в «народные коммуны», интеллигенции обещала демократию и участие в политике, а дала «лагеря перевоспитания» и т.д. При Мао Цзэду в 1949–1976 гг. были убиты или доведены до голодной смерти десятки миллионов людей, страна была поставлена на грань экономической катастрофы. За успехи последних 40 лет тоже заплачена немалая цена: в КНР сложилась тяжелая экологическая ситуация, негативно сказывается на жизни современного Китая проводившаяся в 1979–2013 гг. политика «планового деторождения», в рамках которой было предотвращено рождение 400 млн детей, не обеспечены основополагающие политические свободы и права человека, неспокойно в Синьцзяне и Гонконге.

Остается тревожно-неопределенной ситуация в китайской экономике, усложнилось внешнеполитическое положение КНР. Старт «новой эпохи» получился трудным⁴⁵.

Кашин В.Б. (МГИМО МИД России / ИДВ РАН / ИИУ ВШЭ). Китай и региональный порядок в Евразии: проблемы безопасности.

С начала 2010-х годов роль КНР в региональной безопасности в Евразии переживает существенные изменения, связанные с общей активизацией китайской внешней политики, ростом китайской военной мощи и расширением сферы китайских экономических интересов в прилегающих странах.

Помимо этого, факторами, имевшими определяющую роль для поведения КНР в сфере безопасности в регионе были рост внимания Пекина к про-

блеме сепаратизма и религиозного экстремизма в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе Китая и углубляющееся противостояние с США.

Активизация китайской политики, ставшая особенно очевидной в середине десятилетия, окончательно оставила в прошлом умозрительные построения о «разделении труда» между Китаем и Россией на евразийском пространстве, согласно которым Россия играет лидирующую роль в региональной безопасности, а Китай «отвечает» за экономику.

Фактически, на нынешнем этапе вооруженные силы Китая перешли к де-факто постоянному, либо периодическому присутствию на территориях ряда стран Центральной Азии, при этом Китай превратился в важного партнера этих стран в сфере военно-технического сотрудничества и источник военной помощи.

Активизация китайского военно-технического сотрудничества с странами Центральной Азии близко совпадает по времени с приходом к власти в КНР нового поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином.

Первым надежно идентифицированным крупным контрактом на поставку оружия в регион можно считать контракт 2013 года с Узбекистаном на пять комплексов беспилотных летательных аппаратов Wing Loong 1. В последующем Узбекистан продолжил закупки китайской военной техники, в частности зенитных ракетных комплексов большой дальности HQ-9 – прямых конкурентов российских систем С-300 и С-400. Комплексы были поставлены в 2015 году, что, вероятно, отражало линию руководившего тогда Узбекистаном президента Каримова на максимальное ослабление зависимости от России.

К настоящему времени крупнейшим партнером Китая в сфере военно-технического сотрудничества является Туркменистан, заключивший с КНР более десятка контрактов на поставки вооружений и военной техники, начиная с 2015 года. Туркменистан, являющийся важнейшим реципиентом китайских инвестиций и важнейшим экспортером природного газа в КНР, произвел с опорой на китайскую технику модернизацию системы ПВО. В частности, были закуплены несколько радиолокационных станций (YLC-18, YLC-2), зенитные ракетные комплексы HQ-9 большой дальности, KS-1A средней дальности и FM-90 малой дальности, а также переносные зенитные ракетные комплексы QW-2.

Таким образом, в 2015–2017 годах с опорой на китайскую технику в Туркмении была создана законченная эшелонированная система противовоздушной обороны, возможно, с прицелом на прикрытие объектов экспортной газотранспортной инфраструктуры.

Сложность этой техники и известные данные о состоянии туркменской системы высшего технического и военного образования позволяют предположить, что эксплуатация данных систем оружия не может осуществляться без постоянного консультирования со стороны китайского персонала. Помимо этого КНР поставляла Туркмении и другое оружие, в частности ударные беспилотные летательные ап-

⁴³ Имеется в виду отстранение КПСС от власти в августе 1991 г.

⁴⁴ Си Цзиньпин. Туйдун дан дэ цзяньшэ синь дэ вэйда гунчэн яо и гуань чжи (Необходимо последовательно реализовывать новый великий проект партийного строительства) // «Цюши», 2019, №19. 2 октября 2019 г.

⁴⁵ Цыплаков С.С. 70 лет КНР: трудная смена эпох // Независимая газета, 29 сентября 2019 г.

параты. Возможно, что поставки шли в счет поставок газа и на льготных условиях.

Поставки вооружения и военной техники в другие страны региона являются гораздо менее масштабными. Казахстан приобретал китайские беспилотники и транспортные самолеты, Афганистан – легкую бронетехнику. Таджикистан и Киргизия являются получателями китайской военной помощи, включая транспортные средства, средства связи, медицинское оборудование.

Важным шагом в развитии военных контактов Китая и стран региона стало заключение в 2016 году в Урумчи четырехстороннего соглашения между начальником Объединенного штаба Центрального военного совета КНР Фан Фэнхуэем и начальниками генштабов Афганистана, Таджикистана и Пакистана о сотрудничестве в борьбе с терроризмом.

Насколько можно судить, соглашение позволяет китайским военнослужащим в рамках осуществления контртеррористических мероприятий заходить в приграничные районы стран-партнеров, выставлять там посты, осуществлять патрулирование, получая согласие на это по упрощенной схеме.

Вскоре после этого появились первые сообщения о появлении китайских сил в приграничных районах Ваханского коридора Афганистана и в некоторых приграничных районах Таджикистана.

Такой рост китайской роли в вопросах военной безопасности порождает и опасения среди представителей общественности стран региона. Страх и элементы недоверия по отношению к КНР распространяются частично и на правящие круги и мы можем видеть подтверждение этому в виде периодических шпионских скандалов между Китаем и центральноазиатскими странами.

Примером может служить арест в начале 2019 года ведущего казахстанского эксперта по Китаю К.Л. Сыроежкина по обвинению в шпионаже в пользу КНР (позже он был приговорен к лишению свободы на 10 лет). Этот пример не единичный: периодически об арестах официальных лиц за шпионаж сообщают Казахстан, Киргизия, Таджикистан, при этом намекается, либо прямо говорится, что речь идет о шпионаже в пользу КНР.

Начатая в 2014 году кампания по искоренению терроризма и религиозного экстремизма в Синьцзян-Уйгурском Автономном районе КНР, переросшая с 2017 года в политику создания системы «лагерей перевоспитания» для части мусульманского населения региона, напрямую повлияла на восприятие Китая местным населением.

Судя по сообщениям региональных СМИ, тематика «лагерей перевоспитания» особенно сильно затронула настроения населения в Казахстане и Киргизии. Рост антикитайских настроений ведет к массовым протестам против новых проектов сотрудничества с КНР и ставит вопрос о безопасности китайских инвестиционных проектов в центральноазиатских странах.

Фактически, любые слухи об усилении китайского присутствия в Казахстане или Киргизии вызывают массовые протесты местного населения.

Отчасти такая ситуация связана с тем, что именно у жителей этих стран сохраняются наиболее тесные этнические и родственные связи с рядом групп мусульманского населения китайского Синьцзяна.

В сентябре 2019 года началась новая мощная волна антикитайских протестов в Казахстане, приуроченная к визиту президента страны Касым-Жомарта Токаева в Китай. Участники протестов выступали против планов строительства в Казахстане нескольких десятков промышленных предприятий с использованием китайских инвестиций (межправительственное соглашение об этом было заключено двумя странами еще в 2016 году).

Одним из путей решения этой проблемы является создание КНР крупных частных охранных предприятий для работы за рубежом, именуемых иногда «китайскими частными военными и охранными компаниями (ЧВОК)». В настоящее время отсутствуют данные об оказании китайскими компаниями за рубежом военных услуг (обучение вооруженных формирований, консультирование, помощь в обслуживании военной техники, разведка, организация работы с пленными и т.п.).

Вместе с тем, есть первые активно действующие за рубежом китайские охранные структуры (например, *DeWe Security*), а с 2017 года появились данные о создании в КНР крупных ЧВОК по образцу известной американской компании *Blackwater* и при консультировании со стороны известного американского деятеля военного бизнеса Эрика Принса.

Центральная Азия является одним из наиболее вероятных направлений применения таких компаний, однако их полномасштабное развертывание сдерживается сопротивлением общественности и руководства государств региона. Таким образом, в настоящее время Китай выступает в качестве сильного самостоятельного игрока в сфере безопасности в Евразии. Приоритетными для КНР партнерами в сфере безопасности являются страны – крупные реципиенты китайских прямых иностранных инвестиций, а также приграничные государства, ситуация в которых напрямую затрагивает обстановку в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Китай наращивает свою роль в региональной безопасности постепенно, но неуклонно, избегая при этом прямой конкуренции с Россией.

Главными ограничителями для повышения китайской роли в региональной безопасности являются антикитайские настроения со стороны общественности стран региона, недостаточное доверие со стороны центральноазиатских правительств, присутствие в регионе созданной Россией структуры в сфере военной безопасности (ОДКБ) и интеграционного объединения – Евразийского Экономического Союза.

Несмотря на сохраняющиеся традиционные направления сотрудничества в сфере безопасности по линии ШОС, включая проходящие с 2005 года каждые два года учения «Мирная миссия», усиление китайской роли в региональной безопасности проходит без опоры на структуры данной организации. Тенденция к действиям параллельно механизмам

ШОС будет, видимо, сохраняться, учитывая вхождение в данную организацию Индии и Пакистана, что дополнительно усложнит систему принятия решений в ее рамках.

2. Методология / практика регионостроительства и китайский опыт.

А.Б. Каримова (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН). **Регион как технология порядка.**

Человек всегда создавал целеположенное – сопряженное – пространство. Поэтому пространство оказалось феноменом, порождающим знание всех взаимосвязей мира. Реальных, виртуальных, духовных, хозяйственных и средовых. Каждое пространство помечено каким-нибудь характерным событием или явлением.

В 1990-е годы поводом для всплеска интереса к региональным феноменам послужили дискуссии о глобализации, в которых наиболее заметным и наименее от-refлексированным в проблеме развития выступило *региональное пространство*.

Региональное пространство – факт глобализации и фактор глобальных преобразований. Это – поле проблемы выживания и развития. Но и физическое измерение регионализма (гипотеза поствестфальского порядка), регионализации (процесс строительства) и региона (технология формализации порядка). Оно – воображаемое место воображенного социума. Но и реальная территория в несуществующих границах. Его главная особенность в комбинациях мерности и способности одновременно распределять и спрягать разнонаправленное движение потоков *в-над-из-сквозь-между-через-за*⁴⁶ границы, улавливая и спрягая все изгибы пересечений. И это одна из основных характеристик регионального порядка.

Поэтому вопрос о теоретических основаниях происходящих трансформаций приобрел научную остроту. Однако академические подходы к регионализму показали столь большую разницу, что из его прикладных объектов (регион) рассматривается вне собственного поля.

С другой стороны, междисциплинарное блуждание региональных конструкций, и от того неизбежная эклектика дефиниций региона, регионализации и региональной идентичности, сослужили добрую службу: вывели из теоретической несостоятельности региональное пространство и его «персонажи».

Стремление проникнуть вглубь явления привело к перепроизводству определений, не удовлетворив ни практиков, ни теоретиков. Но линия согласия наметилась. В разное время и на разной доказательной базе У. Айзард (США), Дж. Най-мл. (США), Б. Хеттне (Швеция) и др. признали, что

природных регионов не существует. Впрочем, это не устранило методологического хаоса, что само по себе является признаком и аргументом актуальности построения гипотезы и репрезентации нового феномена темы развития – *регионального пространства*.

Для решения теоретической задачи применены концепции глобализации в версии британских исследователей Д. Хелда (D. Held), Д. Гольдблатта (D. Goldblatt), Э. Макгрю (McGrew) и Дж. Перратона (J. Perraton); «нового подхода к регионализму» шведских ученых Б. Хеттне (B. Hettne) и Ф. Содербаума (F. Söderbaum); *регионального комплекса безопасности* Б. Бузана (B. Buzan) и О. Вевера (O. Wæver), инструменты теории сетей, малых групп, информационного, организационного и стратегического подходов и т.д.

В качестве математической аппликации использованы постулаты механики Архимеда, алгоритмы физики Аристотеля, принципы неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевского, образы пространства М. Фуко и др. Эмпирическую базу составили принципы конструирования Среднеазиатского экономического района советских ученых Ю.И. Пославского и Г.Н. Черданцева, методика выявления региональных факторов (США), модель Euregio и авторские исследования⁴⁷.

Опорной теорией предлагаемой методологии является теория района В.П. Семенова-Тян-Шанского.

Эпоха региона: почему?

Аналитическая конструкция района/региона как совокупности «перекрещивающихся и переплетающихся линий развития, связи и взаимодействия» была впервые описана экономистом Ю.И. Пославским и географом Г.Н. Черданцевым, смоделировавшим Среднеазиатский экономический

⁴⁶ Здесь: конструкция векторов «в-над-сквозь-через-между-за» передает смысл трансрессивного спряжения. Словоформ «трансгрессия» образован сложением двух латинских слов «trans» (сквозь, через, над, за) и «gressus» (приближаться, переходить, нападать), обозначает процесс пересекающего движения и его направление (А.К.).

⁴⁷ См.: Каримова А.Б. Индо-тихоокеанский постатлантизм // Сравнительная политика. 2019. №2. С. 37-55. [Karimova, A.B. Indo-tikhookeanskiy postatlantizm (Indo-Pacific post-Atlantism) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 37-55.]; Каримова А.Б. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №6 С. 13-24. [Karimova, A.B. Svyazyvaya Indiyский s Tikhim, ili modernizatsiya instrumentov vliyaniya (Linking the Indian with the Pacific, or the Modernization of Instruments of Influence) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2019, Vol. 63, No. 6, pp. 13-24.]; Каримова А.Б. Центральная Азия: эвристики и модели // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №10. С. 114-123. [Karimova, A.B. (Central Asia: Heuristics and Models // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2018, No. 10, pp. 114-123.]; Каримова А.Б. Шелковый путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // Сравнительная политика. 2017. №2. С. 108-118. [Karimova, A.B. Shelkovyy put': protsessy integratsii i samoorganizatsii prostranstv transregional'nogo vzaimodeystviya (The Silk Road: the Processes of Integration and Self-Organization of Spaces of Transregional Interaction) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 108-118.]; Каримова А.Б. Стратегема Ломоносова: Арктика в движении к глобальной арене // Наука. Культура. Общество. 2019. №2. С. 39-51. [Karimova, A.B. Stratagema Lomonosova: Arktika v dvizhenii k global'noy aren (Lomonosov's Stratagem: The Arctic Is Moving towards Global Arenas) // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2019. No. 2. С. 39-51.]

район как инструмент подъема развития вошедших в него территориальных единиц⁴⁸.

В 1930-х гг. в условиях экономической депрессии и конфликта между федеральным правительством и институтами местного управления аналогичные конструкции были испытаны в США.

В докладе Национального комитета по ресурсам, подчеркивалось, задачи развития потонули в горячей дискуссии «централизация» vs «права штатов». Обнаружив, что ни централизация, ни локализация не могут быть моделью роста, когда размеры проблемы и территориальные активы ее решения не совпадают, разработчики рекомендовали разделить внутреннее пространство США на 12 регионов, площадь которых должна определяться масштабом проблемы, а ее «границы стать гибкими, а не фиксированными»⁴⁹.

Составители пришли к выводу, что конституционально закреплённая жесткость межштатных границ и локальный контроль:

- препятствуют движению человеческих и производственных потоков между штатами;
- создают проблемы водно- и землепользования;
- мешают внедрению новых технологий передачи электроэнергии,
- приводят к неправильному распределению социальных дотаций, вызывая недовольство населения;
- тормозят продвижение североамериканских товаров на международные рынки;
- ведут к изоляции штатов друг от друга.

Выделенные факторы получили название *региональных* и стали основанием для введения новой административной единицы – *региона*. Его специфическое свойство – *текучесть границ* – отвечало не только социальным потребностям национального развития, но и стало мерой укрепления государственной безопасности в условиях угрозы суверенизации внутренних штатов.

Практика использования региональных конструкций в СССР и США показала: регион создавался там, где возникала узловая проблема развития нескольких административных территорий.

Через 20 лет после опытного испытания региональных конструкций в Северной Америке поствоенная ФРГ в поисках выхода из международной изоляции формализовала трансграничное сотрудничество между приграничными сообществами. Первое международное объединение подобного типа – область между ФРГ и Нидерландами – возникло в 1958 г. под названием *Euregio*, положив начало размышлениям о политической роли месторазвития в современных международных отношениях. Не случайно французский социолог М. Фуко обозначил 1960-е эпохой пространств, «заряженных

качествами», множеством «отношений, определяющих местоположения, не сводимых друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающиеся»⁵⁰.

Мир *несвязанных пространств* (анархия) моделировал бесконечные столкновения территориальных конфигураций, без гармонии параболических связей архимедова мира вложенных пространств, который языком «воображаемой геометрии» описан как логическая (смысловая) система порядка движения⁵¹.

Именно в таком пространстве, где человеческие потоки перемещаются и расходятся по одним и тем же дорогам в разные регионы, совершается *трансгрессия* – спрягающее взаимопроникновение пространства и деятельности, создавая эффект текучести границ.

Пространство текущих границ: *как?*

Первая попытка теоретического осмысления происходящих трансформаций в поствоенной Европе результативалась фундацией политической версии регионализма, в котором авторы постарались разграничить «старый» (1950-1960 гг.) и «новый» (вторая половина 1980-х гг.) регионализмы и «теоретизировать быстро возникающий эмпирический феномен без особой теории»⁵².

В концепции *нового регионализма* Б. Хеттне и Ф. Содербаума (*New Regionalism Approach, NRA*) региональные процессы представлены как фактор изменений международного порядка.

Центральным компонентом NRA является концепт *регионность* (*regionness*), выражающий политическую динамику процесса регионализации. Фактически регионность – инструмент сравнительного анализа и стратегия, посредством которой «географический регион трансформируется из пассивного объекта в субъект, способный сформулировать интересы развивающегося региона». Однако проблематика NRA заключается не в разграничении регионов как таковых, а в формировании механизмов увеличения или уменьшения уровней регионности, т.е. создании решетки *текучих границ*. В методическом плане регионность является качественным итогом исследовательских «суждений о степени, ...которая позволяет выделить конкретный район в отдельную единицу» международной системы⁵³. Авторы NRA

⁵⁰ Другие пространства / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. М.: Praxis, 2006. Ч. 3. С. 194, 195. [Drugie prostranstva (Other Spaces) / Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'y (Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews) / Transl. by B.M. Skuratov, ed. by V.P. Bolshakov. Moscow: Praxis, 2006. Part 3. Pp. 194, 195.]

⁵¹ Лобачевский Н.И. Три сочинения по геометрии. Геометрия. Геометрические исследования по теории параллельных линий. Пангеометрия. М.: Гос. изд. технико-теоретической литературы, 1956. С. 23-24, 33. [Lobachevsky, N.I. Tri sochineniya po geometrii. Geometriya. Geometricheskiye issledovaniya po teorii parallel'nykh liniy (Three Essays on Geometry. Geometry. Geometric Studies on the Theory of Parallel Lines). Pangeometry. Moscow: State. ed. technical-theoretical literature, 1956. Pp. 23-24, 33.]

⁵² Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10(4), p. 565.

⁵³ Hettne, B.; Söderbaum, F. The New Regionalism Approach //

⁴⁸ Средне-Азиатский экономический район. Под ред. Ю.И. Пославского и Г.Н. Черданцева. Ташкент: ТЭС, 1922. IV. [Sredne-Aziatskiy ekonomicheskiy rayon (Central Asian Economic Region). Ed. by Yu.I. Poslavsky and G.N. Cherdanseva. Tashkent, 1922. IV.]

⁴⁹ Regional Factors in National Planning and Development. December 1935 / National Resources Committee. United States Government Printing Office Washington: VII.

считают экономические аргументы «не всегда релевантным разграничением» с политической точки зрения.

Таким образом, новый подход к регионализму постулирует изучение процессов, способных обеспечить момент относительной устойчивости и зафиксировать возможную протяженность регионального пространства.

Политтехнологический подход шведских исследователей в полной мере проявился в утилизации поисков определения регион. Они подчеркивают необходимость «плодотворно поддерживать эклектичные и непродвигать определения регионов, особенно на нижних стадиях регионности и в том, что касается их внешних границ, которые часто бывают наиболее размытыми»⁵⁴.

Рассматривая границы в их политическом и географическом значении, западные исследователи придерживаются двух основных подходов – трансгрессивного, т.е. углубляющегося регионально и идущего вширь, и экстенсивного. «При этом первым пользуются преимущественно поборники народов гор, побывавшие в горных ландшафтах, долинах, высоких плато и на их окраинах с обрывистыми склонами и ставшие благодаря опыту крупными, зрелыми исследователями; вторые – больше те, кто обучен в основном чувству границы на морском жизненном опыте...»⁵⁵.

Оценки картины мира, основанные на гипотезе соперничества океанской и континентальной жизненных форм, хотя и являются наиболее распространенными в научном наблюдении, не раскрывают, однако, всех причин территориальных напряжений. Анализ списка «старых» региональных конфликтов в Европе («альпийские» государства, Богемия, Шотландия и др.) и вписанных в современную мировую повестку (Кашмир, Нагорный Карабах, Чечня, Таджикистан, Тибет, Афганистан, Западная Украина и др.) фокусирует повторяющийся во всех случаях горный фактор. «Ландшафтное происхождение» горного населения (картина жизни), выявленное классической геополитикой в качестве фундаментального принципа региональных построений и настроений, не играет столь же заметной роли в экономических теориях.

Отсюда видна разница между процессом глобализации мировой экономики и процессом регионализации политического пространства в целях установления нового порядка, где регионализм развивающихся стран не выдерживает соревнования с регионализмом развитых стран, углубляющим эффективную взаимозависимость в пределах своей зоны влияния. За ее пределами строятся сырьевые регионы, связь с которыми осуществляется трансрегиональными логистическими коридорами.

Politeia, 1998, Vol 17, No. 3, p. 10.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет / Пер. с нем. И.Г. Усачева. М.: Мысль, 2001. С. 113. [Haushofer, K. O geopolitike. Raboty raznykh let (On Geopolitics. Works of different years) / Transl. by I.G. Usacheva. Moscow: Mysl', 2001. P. 113.]

Методологическую важность в этом контексте приобретает идея германского геополитика Ф. Ратцеля о постоянном смещении и перемещении границ. «Граница как линия, – подчеркивал его земляк и почитатель О. Мауль, – в действительности есть не истинная граница, а компромисс, достигнутый более или менее случайно, порой вследствие акта насилия. Граница, таким образом, есть простой перерыв между политико-силовыми ситуациями. Пакты, гарантирующие границы, основаны на той великой иллюзии, что можно будто бы поставить предел живому росту нации»⁵⁶.

В западных языках термин «граница» уходит корнями в военное дело. Французское слово «la frontier» с начала XIII в. обозначает линию фронта. В англосаксонском восприятии оно подразумевает в т.ч. продвижение.

Недры этого понятия хранят множество окказиональных коннотаций. В немецком языке, по мнению французского историка-слависта Ф. Конта, понятие *граница* содержит требование определить пределы «германской цивилизации» и указание на восток⁵⁷. В то же время Д.И. Менделеев полагал, что «...отделение Европы от Азии во всех случаях искусственно и с течением времени непременно сгладится и, вероятно, даже совсем пропадет»⁵⁸.

Именно на границе связка векторов движения (*в-сквозь-через-между-над-через-из*) особенно заметна. Поэтому в концепции NRA регион является выражением стратегической перспективы; инструментом смещения и утверждения политической идентичности, что неизбежно сопровождается «поиском территориального пространства как законной родины общин»⁵⁹.

Таким образом, регионность – это своего рода политический бинокль в руках внешнего наблюдателя, отмечающего и степень влияния поведенческих предпочтений на политику; и возможность или целесообразность развития геостратегических альтернатив.

Это заставляет разрабатывать новые объясняющие термины, концептуализировать оттенки и цели выявления регионального пространства – физико-аналитической платформы технологии порядка. Например, относительно новый термин «межрегиональность» (*interregionalism*) рассматривается в зарубежном регионоведении как одна из

⁵⁶ Цит. по: Поздняков Э.А. Философия политики: В 2 ч. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1994. Ч. 2. С. 261. [Cit. Pozdnyakov, E.A. Filosofiya politiki (Philosophy of Politics): In 2 parts, 2nd ed. Moscow, 1994. Part 2, p. 261.]

⁵⁷ Конт Ф. К политической антропологии советской системы: Внешнеполитические аспекты / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 140-141. [K politicheskoy antropologii sovetskoy sistemy: Vneshnepoliticheskiye aspekty (Toward a Political Anthropology of the Soviet System: Foreign Policy Aspects). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. Pp. 140-141.]

⁵⁸ Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 143. [Mendelev, D.I. K poznaniyu Rossii (Understanding Russia). Moscow: Ayris-press, 2002. P. 143.]

⁵⁹ Sengupta, A. Frontiers into Borders. The Transformation of Identities in Central Asia. Published for Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Kolkata, 2002. P. 99.

«регулируемых форм, которые может принимать глобализация»⁶⁰.

Вместе с тем «старое» понимание регионализма осталось не до конца проясненным⁶¹, что не способствует продвижению к актуальной дефиниции региона и созданию техник анализа пространственных напряжений, геополитическим провокатором (?) которых является регионность.

Предметом нового подхода к регионализму является «становящийся политический ландшафт, характеризующийся несколькими взаимосвязанными измерениями, многими действующими лицами (включая сам регион) и несколькими взаимодействующими уровнями общества»⁶². Данное понимание дифференцирует шведский подход от стержневого тезиса неореалистской концепции региональной безопасности.

Б. Хеттне представляет регион как *уровень анализа и субъект сложного многомерного и постсуверенного порядка*, возникающего «через региональную организацию, которая его представляет»⁶³ – очевидно, Европейский Союз. У критиков NRA эта напрашивающаяся аналогия вызвала сомнения в универсальности концепции нового регионализма и подозрения, что ее создатели и сторонники находятся под сильным влиянием европейского опыта региональной интеграции⁶⁴.

Б. Бузан и О. Вевер описывают регион как *уровень анализа и агента региональной безопасности*. В такой регион – форму пространственного порядка, управляющего внутренними конфликтами и их внешними последствиями, – можно укомплектовать все переменные расширенного понимания безопасности. Здесь структурообразующим элементом мирового порядка становятся «сообщества безопасности», тогда как иерархию системы международной безопасности выражает формула $1+4+\text{регионы}$ ⁶⁵.

Агент vs субъект – точка теоретического «раздора» западных школ пространственного анализа, коренящаяся в неопределенности (несогласии) местонахождения мирового центра силы.

Однако и в том, и в другом случае регион является как инструмент (агента или актора) трансформации вестфальского порядка, организационным выражением которого является ООН.

Русский географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский видел регион как средовую конструкцию пространства, возникающего из «движения, как внутреннего в этом пространстве, так и проникающе-

го в это пространство извне, а также и выходящего из данного пространства в другие»⁶⁶.

Подход В.П. Семенова-Тянь-Шанского носит универсальный характер, вмеща в себя все *физико-математическое* многообразие и гибкость пересекающихся движений, образующих технологические сгустки пространственных связей. В нем объект и предмет исследования органичны, образуют поле специальной теории, основные положения которой можно верифицировать эмпирическими методами исследования и описать языком математической теории.

Рассмотренные объяснения проблемно нюансированы, что позволяет сделать вывод об инструментальном характере феномена и важности его прикладных качеств. Регион может быть стратегией (комплекс безопасности), средством идеологического вмешательства (политический регион) и процессом достижения цели развития (экономический, туристический, экологический и др.). Способность региона к пространственной мимикрии хорошо проиллюстрировал индийский исследователь международных отношений А. Гочхат, предложивший различать два оттенка регионализма. Согласно его видению, на международном уровне регионализм подпитывается отношениями транснационального сотрудничества, которые характеризуют группу регионов, «таких как Западная Европа, Западные Балканы или Юго-Восточная Азия, связанных географией, историей или экономическими особенностями. Используемый в этом смысле регионализм является средством укрепления связей между этими странами»⁶⁷. Во втором значении этого термина регионализм выступает как процесс, в котором субгосударственные территории намерены стать независимыми политическими единицами, используя экономические, культурные, ресурсные, языковые и пр. аргументы. Исследователь задается вопросом: при каких условиях возникает среда, в которых границы теряют свои географические, административные и политические качества? Т.е. пытается понять как регионализм, замешивая идентичность, культуру, религию, касту и класс в пространственную форму, бросает вызов индийской федерации?

Единственная модель регионализма, которую А. Гочхат не оспаривает, – это социологическая конструкция «внутреннего колониализма». Схематизируя развитие в условиях колониальной ситуации, ее автор, британский ученый М. Хечтер эмпирически подтверждает специфику организации сырьевого региона как пространства, ограниченного функцией поставщика с помощью транспортных систем⁶⁸ или

⁶⁰ Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10(4), p. 558.

⁶¹ По оценке Б. Хеттне, «старый» регионализм «был феноменом холодной войны». Учитывая, что регион был введен в теорию и практику задолго до «холодной войны», подход шведского политолога неоправданно узок.

⁶² Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10 (4), p. 558.

⁶³ Ibid. P. 555.

⁶⁴ Breslin, Sh.; Higgott, R.A. Studying the International Relations of the Asia Pacific: What Is the Region? What Are the issues? In: Breslin, Shaun and Higgott, Richard A., (eds.) *The International Relations of the Asia-Pacific*. London: SAGE, 2010. Pp. 19-39.

⁶⁵ Buzan, B.; Wæver, O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, 2003. Pp. 40-65.

⁶⁶ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1928. С. 11. [Semenov-Tyanshansky, V.P. Rayon i strana (District and Country). Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1928. P. 11.]

⁶⁷ Gochhayat, A. Regionalism and Sub-regionalism: A Theoretical Framework with Special Reference to India // *African Journal of Political Science and International Relations*, 2014, Vol. 8(1), p. 10.

⁶⁸ Математическая теория позволяет интерпретировать транспортные системы как *свернутые пространства*.

механизмов «входа/выхода», поддерживающих необходимый уровень взаимозависимости – «развитие недоразвитости».

Стремясь разгадать причины регионности в индийском контексте, А. Гочхат использует язык теорий режима, неолиберального институционализма и концепции нового регионализма. Поэтому, как и большинство исследователей феномена регионального, он натолкнулся на невозможность терминировать регион, требующего языка «своей» теории. *Ибо причина региона не в экономике, не в экологии, не в культуре, а в текущем пространстве – артефакте пространственной логики порядка.*

Наиболее показательным примером технологичности регионального порядка являются дороги – артерии информации и мобильности власти.

Очевидно, их можно определить как древнейшую технологию обеспечения пространственного развития. Образцом может служить построенная в V в. до н.э. Дарием I царская дорога, которая связала обширную территорию Персидского царства в единое информационное пространство.

Известное присловье «все дороги ведут в Рим» вероятнее всего – метафора технологии связывания большого, социокультурно неоднородного пространства. В критике методов правления Юстиниана Прокопий Кесарийский едва ли не главной причиной упадка римского могущества называет разрушение системы *Cursus publicus*⁶⁹.

В персидской и римской моделях дороги прежде всего служили средствами перемещения стратегической информации, имперских норм и законов устройства жизни, организации транзитных пространств – регионов. Эффекты инсталляции коммуникаций могут рассматриваться с позиций естественной трансформации и под воздействием человеческой деятельности. В современной практике характеристики сетевой организации порядка присущи Одному поясу-одному пути.

Исходя из представленных принципов, *региональное (текущее) пространство определяется как пространственная ретракция*⁷⁰, связанная наложенными на нее социально-демографическими потоками трансгрессивных движений.

Заключение: зачем?

Региональное пространство, регион, регионализация и регионализм – четыре оси теории *регионального (ветвящегося) пространства, в котором отрабатываются варианты будущего, определяющие настоящее.*

Регион – модель сопряжения среды обитания и культурного пространства, настроенная на специфику распределения материальных потоков (*в-над-из-сквозь-между-через-за*) и различения «своих», «чужих», «других», «гостей».

На языке задач это означает определение цели и инструмента связанности, превращающую стра-

тегию пространственного развития в конструкцию повседневной активности, трансгрессивной сопряженности.

Регионы не могут иметь постоянной формы и всегда являются продуктом полистилистической формы сопряжения конкретного и вымышленного. Рекурсия векторных пересечений социальных практик дает возможность агрегировать интегральный порядок и определить *регион как форму управляемой трансгрессии, апплицированную механизмом изменения геометрии отношений, который обеспечивает или прерывает сквозное движение потоков в топологическом пространстве.*

Дефиниции регионального пространства и региона получены на основе синтеза результатов исследований современных проектов регионализации международной среды, к каковым относятся Европейский союз, ТРАСЕКА, Виртуальный Шелковый путь, Один пояс-один путь, Центральная Азия, Индо-Тихоокеанский и Арктический регионы. Все перечисленные проекты суть технологии порядка. Но также – индикаторы подъема и геополитических дивергенций.

В гипотетической целостности – это артефакты пространственной логики большого масштаба и искусства «склеивания» аналитического (почему?), синтетического (как?) и символического знания (зачем?).

Таким образом, региональное пространство, как один из символов глобального пространства определяет его состояние. Порядок (движения, развития) в целеположенном пространстве «нормативизирует» регион.

К.А. Ефремова (МГИМО МИД РФ). Китай и процессы регионостроительства в Юго-Восточной Азии.

С середины 1990-х гг. в мировой науке о международных отношениях утвердилась концепция регионостроительства (*region-building approach*), авторство которой принадлежит норвежскому политологу И. Нойману (*Iver B. Neumann*). Рассуждая в рамках конструктивистской парадигмы, Нойман рассматривает регионы как «воображаемые сообщества» (*imagined communities*), границы которых определяются и пересматриваются в ходе политического и академического дискурса. Он отмечает, что регионы могут создаваться «с нуля», даже там, где для этого нет объективных предпосылок, поскольку «всегда можно найти какую-то связь, какую-то предысторию, которая может быть использована, чтобы оправдать включение конкретного актора в конкретный регион, и так далее»⁷¹.

Согласно Нойману, процесс регионостроительства сводится к применению классической дихотомии «мы – они» на региональном уровне и имеет сугубо субъективный характер. С ним не согласен ряд других авторов: в частности, Люк ван Лангенове утверждает, что необходимо аналитически разделять конструирование региона (*construction of a*

⁶⁹ *Cursus publicus* – сеть дорог Римской империи протяженностью 200 000 км.

⁷⁰ Здесь: ретракция – образ топологического пространства (А. Пуанкаре), позволяющий сконструировать проблемно ограниченную метрику движения (А.К.).

⁷¹ Neumann, I.B. A Region-building Approach to Northern Europe // *Review of International Studies*, 1994, Vol. 20, No. 1, p. 176.

region) как дискурсивный процесс и регионостроительство (*region building*) как процесс воплощения в жизнь аналитических конструкций, придания им институциональной формы. Он определяет регионостроительство как «создание новых и укрепление уже существующих институтов регионального управления»⁷².

Эндрю Харрел выделяет два подхода к созданию регионов: «снаружи внутрь» (*outside-in*) и «изнутри наружу» (*inside-out*). В первом случае, процесс регионостроительства инициируется и направляется великими державами, а малые и средние государства следуют в фарватере их политики. Во втором случае, малые и средние государства региона берут на себя ответственность за создание общерегиональных институтов и «социализацию» великих держав. Эти два подхода могут существовать параллельно и сменять друг друга, как это было в случае Юго-Восточной Азии, где процессы регионализации, изначально направлявшиеся США и Великобританией, вышли из-под контроля бывших метрополий и начали регулироваться самими государствами региона.

Рубежным событием стало подписание Бангкокской декларации, провозгласившей создание АСЕАН (8 августа 1967 года), когда малые и средние страны региона фактически заявили о своей собственной международной «субъектности». Логическим продолжением этой линии стало расширение АСЕАН до естественных географических границ региона Юго-Восточной Азии (1995-1999). Обновлённая АСЕАН стала претендовать на то, чтобы определять контуры регионального порядка не только в ЮВА, но и за её пределами. И здесь её интересы столкнулись с интересами Китая, с начала 2010-х гг. проводящего политику напористой (чтобы не сказать «агрессивной») экономической экспансии.

В данном контексте интересно рассмотреть меняющуюся роль Китая в процессах регионального строительства: от резко негативной (экспортёр марксистских идей и «культурной революции») к умеренно-конструктивной (диалоговый партнёр АСЕАН) и амбивалентной (инициатор «Одного пояса, одного пути», но противник концепции Индо-Тихоокеанского региона). На данном этапе Китай стремится привлечь страны АСЕАН на свою сторону, но интеграционный проект, с которым он выступает, с настроенностью воспринимается государствами региона ввиду его потенциальных экономических и политических последствий для малых и средних стран, втянутых в орбиту азиатского гиганта.

В 1997 г. Китай и АСЕАН объявили о «добрососедском партнерстве, основанном на взаимном доверии, направленном в XXI век» (*a good-neighborly partnership of mutual trust for the 21st century*). В 2003 г. на смену ему пришло «стратегическое партнерство во имя мира и процветания» (*strategic partnership for peace and prosperity*). Официально

Пекин поддерживает концепцию «асеаноцентричности», предусматривающую центральное место АСЕАН в процессах регионального строительства. Китай является членом таких асеаноцентричных форматов как АСЕАН+3 (1997), АРФ (1994), АСЕМ (1996), Восточноазиатский саммит (2005) и др. В январе 2010 года вступило в силу соглашение о создании зоны свободной торговли Китай-АСЕАН. Но на практике Пекин стремится перевести свои отношения с АСЕАН в плоскость патрон-клиентских отношений, предпочитая двусторонние форматы взаимодействия.

В сентябре 2013 г. китайский лидер Си Цзиньпин, находясь с визитом в Казахстане, выступил с предложением «экономического пояса Шёлкового пути». Месяц спустя, посетив Индонезию, он озвучил идею создания «морского Шёлкового пути XXI века». Эти два масштабных проекта были объединены в комплексную инициативу «Один пояс, один путь» (一帶一路), получившую статус общенациональной стратегии. Ключевая роль в этой стратегии отводится странам АСЕАН, с которыми Китай планирует выстроить совместные экономические и транспортно-логистические коридоры, проходящие по морю и по суше. Через столицы государств ЮВА планируется провести скоростные автомагистрали и сеть железных дорог, которые покроют весь Индокитайский полуостров и свяжут Куньмин (столицу провинции Юньнань) с Сингапуром.

В сентябре 2018 г. был подписан меморандум о создании экономического коридора Китай-Мьянма, который пройдёт через Мандалай и Янгон соединит Куньмин с особой экономической зоной Чаупхью, где с помощью китайских подрядчиков строится глубоководный порт. Железная дорога Куньмин-Чаупхью предоставит юньнаньским производителям возможность приблизиться к конечному потребителю их продукции, миновав перегруженный Малаккский пролив. Той же цели – обеспечить быструю и безопасную доставку энергоресурсов в Китай в обход Малаккского пролива – служат газы и нефтепроводы Чаупхью-Куньмин, введённые в эксплуатацию в 2013 и 2015 гг., соответственно. Все эти проекты реализуются на китайские гранты и кредиты. Таким образом, Китай стремится «привязать» к себе страны ЮВА, превратить их в зону своего преференциального влияния.

Любопытна реакция стран АСЕАН на китайские усилия по мирному «поглощению» региона. На официальном уровне практически все они выражают заинтересованность в своём участии в ОПОП, однако на уровне экспертов ведутся жаркие дискуссии на тему того, как не попасть в долговую кабалу к Пекину (ярким примером служит ланкийский порт Хамбантота, построенный на китайские инвестиции и переданный в аренду Китаю за долги на 99 лет). В частности, некоторые страны АСЕАН (Мьянма, Малайзия, Индонезия) решились на то, чтобы пересмотреть первоначальные условия сотрудничества с Китаем в свою пользу, добившись значительного снижения стоимости проектов с участием китайского капитала и повышения доли участия местного

⁷² Van Langenhove, L. Introduction / Building Regions: The Regionalization of the World Order. Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 2.

населения в их реализации (так, Мьянма добилась снижения стоимости порта Чаупхью на 80%).

Кроме того, ряд государств региона активно участвует в реализации альтернативных проектов, центрированных вокруг США и их союзников. В первую очередь, это Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение по Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП-11, подписано 08.03.2018), в котором участвуют Бруней, Малайзия, Сингапур и Вьетнам, а также такие внерегиональные экономические тяжеловесы, как Австралия, Канада и Япония. Характерно, что этот проект планируется реализовывать без участия Китая.

В данном контексте особую значимость приобретает концепция Индо-Тихоокеанского региона, подчёркивающая геополитическую «центральность» АСЕАН, расположенной на пересечении Индийского и Тихого океанов. Она предполагает активное участие в региональных делах такой державы как Индия, провозгласившей политику «Действий на Востоке» (2014). АСЕАН стремится задействовать Индию в качестве противовеса Китаю, наращивающему своё военное присутствие в Южно-Китайском море (насыпные острова). Китай, в свою очередь, проводит целенаправленную политику по проникновению в воды Индийского океана (стратегия «нитей жемчуга», которое воспринимается Индией с большим опасением).

В этой ситуации можно объективно говорить о том, что концепция Индо-Тихоокеанского региона, связанного общими проблемами безопасности, постепенно становится реальностью (нравится нам это или нет). Наша задача – не позволить маргинализировать Россию в процессе индо-тихоокеанского регионостроительства, не отдавать этот процесс на откуп «Квартету» (США, Австралия, Япония и Индия). Россия может сделать это лишь в сотрудничестве со странами АСЕАН.

Государства ЮВА активно продуцируют политический и академический дискурс, направленный на конструирование Индо-Тихоокеанского макро-региона, и предпринимают конкретные шаги по его строительству. В частности, в 2013 г. глава индонезийского МИД Марти Наталегава предложил подписать Индо-Тихоокеанский договор о дружбе и сотрудничестве, распространяющий принципы Балийского договора 1976 г. на восьмерых партнёров АСЕАН по диалогу: Австралию, Новую Зеландию, Индию, Японию, Китай, Республику Корею, США и Россию.

Тем не менее, партнёры АСЕАН не спешат присоединяться к индонезийской инициативе, выдвигая свои собственные варианты индо-тихоокеанского проекта, в котором странам АСЕАН, по сути, отводится второстепенная роль (хотя на словах декларируется прямо противоположное). При этом в их рядах нет единогласия: даже в рамках Quad существует широкий диапазон мнений по поводу его содержания, начиная с американского проекта, выстроенного в логике биполярной конфронтации и направленного на сдерживание Китая, и заканчивая достаточно инклюзивным индийским проектом.

Таким образом, можно говорить о том, что политика стран АСЕАН в отношении Китая является политикой «хеджирования рисков», то есть диверсифицированным набором инициатив, где есть место и сотрудничеству в рамках ОПОП, и сотрудничеству в рамках обновлённого ТТП, и умеренной поддержке американских геополитических проектов (в частности, по данным прошлого года австралийского исследования, создание «Квартета» поддерживают 57% асеановцев).

Что же в данной ситуации делать России? Наша страна, к сожалению, не может похвастаться масштабными политическими или экономическими инициативами в этой части земного шара, что автоматически выводит её из списка влиятельных региональных игроков. Однако Россия, по сути, является единственной внерегиональной державой, искренне заинтересованной в укреплении АСЕАН и продвижении асеановской концепции регионостроительства.

Представляется, что России следует чётко сформулировать своё собственное видение индо-тихоокеанского региона, центрированного вокруг АСЕАН, и всячески его поддерживать. Не стоит в данном случае идти на поводу у Китая, необходимо отделять наши интересы в ЮВА от интересов Пекина и не посылать нашим стратегическим партнёрам в АСЕАН двусмысленных сигналов (как, например, участие России в военно-морских учениях в Южно-Китайском море в сентябре 2016 г.).

3. Геополитика и геоэкономика «Большого Китая» и китайских «периферийных зон».

В.Я. Портяков (*Институт Дальнего Востока РАН*). Новая территориальная форма внешнеэкономической открытости Китая – экспериментальные зоны свободной торговли.

В 2013 году Китайская Народная Республика вступила во второй этап внешнеэкономической открытости. Если на первом этапе, стартовавшем в конце 1970-х годов в качестве неотъемлемого составного элемента общей политики реформ, Китай ориентировался, прежде всего, на привлечение из-за рубежа техники и технологий, знаний, капиталов, то на новом этапе как минимум равновеликой задачей становится массовое продвижение за рубеж китайских капиталов, товаров, услуг, технологий.

Этот этап внешнеэкономической открытости Китая обычно ассоциируется с предложенными Пекином геоэкономическими проектами нового сухопутного и морского «шелковых путей», в реализации которых в той или иной форме уже участвуют более ста государств.

Еще одним важнейшим элементом данного этапа явилось создание экспериментальных зон свободной торговли (ЭЗСТ), призванных помочь Китаю освоить наиболее передовые мировые правила и нормы ведения торговли, инвестиционной деятельности, международных финансовых операций. Пока, однако, ЭЗСТ не привлекли того внимания международного сообщества, которого они на деле заслуживают. Основных причин, как представляется, две. Во-первых, ЭЗСТ оказались в тени

«Инициативы Пояса и Пути» – более масштабного и более подходящего для рекламной-пропагандистской раскрутки феномена. Во-вторых, определенную негативную роль сыграло само название нового экономического явления, аналогичное в сокращенном виде названию межгосударственных зон свободной торговли, активно создаваемых Китаем – в обоих случаях это «цзымао цюй». Попытки выйти из положения введением дополнительного слова «экспериментальная», или «пилотная» («цзымао шиянь цюй»), равно как и использование различных англоязычных названий двух типов зон – соответственно, «zones» и «ageas» – проблемы толком не решили.

Тем не менее, экспериментальные зоны свободной торговли Китая существуют уже более шести лет. Накоплен разнообразный опыт функционирования, частично внедряемый и в общегосударственную практику. Вполне возможно, что уже в самое ближайшее время эти зоны получат широкую международную известность, близкую к той, которую на первом этапе внешнеэкономической открытости обрели специальные экономические зоны КНР.

Представляет неформальный интерес уже сама по себе хронология учреждения ЭЗСТ в Китае.

Создание осенью 2013 г. первой такой зоны именно в Шанхае, хорошо известном внешнему миру, было прямо связано со стоявшей в то время перед Китаем задачей в достаточно близкой перспективе присоединиться к клубу наиболее продвинутых в торгово-инвестиционной сфере государств мира в формате Транс-Тихоокеанского партнерства. Переговоры о его создании, казалось, близились к завершению, и Китаю было важно продемонстрировать готовность ориентироваться на передовые стандарты ведения мировой торговли. По-своему показателен был и выбор зоны беспопытной торговли Вайгаоцяо площадью 28,78 кв. км в качестве начальной площадки для развития ЭЗСТ. Китай демонстрировал, что он владеет если не всеми, то хотя бы некоторыми передовыми внешнеторговыми практиками.

В том же ключе оказалась выдержана и вторая очередь учреждения ЭЗСТ – в конце 2014 г. в Тяньцзине, Фуцзяни и Гуандуне. Выбор территорий усиливал общую ориентацию КНР на адаптацию к самым передовым нормам и правилам работы внешнеэкономического сегмента мирового хозяйства.

По мере и в целях дальнейшего продвижения «Инициативы Пояса и Пути» Китай стал претендовать на более активное участие и, так сказать, собственное право голоса в вопросах выработки норм и правил функционирования мирового рынка. Эти направления и вышли на первый план при формулировании задач для следующей группы ЭЗСТ, учрежденных в августе 2016 г. – Ляонинской, Хубэйской, Чунцинской, Чжэцзянской, Сычуаньской, Хэнаньской и Шэньсийской.

Весной 2018 г. было декларировано создание ЭЗСТ Хайнань. Возможно, главной её целью выступает неспешная отработка концепции свободного порта, активно предлагавшаяся применительно к

Шанхаю, но явно менее рискованная в случае с портом Янпу на Хайнане.

Тем временем 2019 год ознаменовался заметным ухудшением условий ведения внешнеэкономической деятельности в мире, в немалой степени – в результате так называемой американо-китайской торговой войны. В соответствии с русской поговоркой «не до жиру – быть бы живу» – КНР решает в настоящее время в условиях «частичной деглобализации» в первую очередь задачу преодоления текущих трудностей, сохранения достигнутых объемов внешней торговли и инвестиций. Одной из череды мер по стимулированию внешнеэкономической активности стало учреждение в августе шести новых ЭЗСТ, три из которых (Гуансийская, Хэйлунцзянская и Юньнаньская) находятся в местах ведения оживленной приграничной торговли. Остальные три зоны были учреждены в Шаньдуне, Цзянсу и Хэбэе.

Разумеется, долгосрочные высокие цели создания ЭЗСТ сохраняются, но они оказались дополнены более прагматичными текущими задачами.

Деятельность ЭЗСТ регулируется специально разработанными для каждой зоны Положениями («тяоли»). Большинство зон состоят из трех участков и имеют общую площадь порядка 120 кв. км. Как сами зоны, так и их участки имеют специальные, но не унифицированные, органы управления. Экономические задачи зон зафиксированы в Комплексных проектах из развития («цзунти фанъань»). Главные из них носят общий характер: упрощение формальностей при оформлении торговых сделок с выходом на принцип «одного окна»; расширение сфер экономики и социальных услуг для иностранного капитала на базе сокращающегося из года в год «негативного списка» отраслей, закрытых для зарубежных инвестиций; отработка взаимодействия с внешними банковскими и предпринимательскими кругами в сфере финансовых услуг. Большинство зон наделено также функцией оказания содействия строительству сухопутного и морского «шелковых путей».

Одновременно зоны и входящие в их состав участки имеют и более конкретные цели, привязанные к географическим особенностям региона, например, содействие развитию Дунбэя и интеграции в Северо-Восточной Азии (Ляонинская ЭЗСТ), стимулирование развития сотрудничества в регионе «Большого залива» (Гуандунская ЭЗСТ – сотрудничество Гуандуна, Аомэня и Сянгуна), налаживание сотрудничества со странами «Пояса и Пути» в аграрной сфере и в культуре (Шэньсийская ЭЗСТ) и т.п. Нередко перед конкретными участками зон ставятся весьма амбициозные геоэкономические задачи. Так, Далянь должен стать одним из крупнейших в Северо-Восточной Азии хабов авиационных грузоперевозок. Архипелагу Чжоушань (Чжэцзян) предстоит вырасти в крупнейший на азиатском побережье АТР центр топливной заправки морских судов.

Ныне на ЭЗСТ суммарно приходится примерно 12% внешнеторгового товарооборота КНР. Первых весомых результатов от зон ожидают через 3-5 лет после старта их практической работы.

Учреждение ЭЗСТ в провинции Хэйлунцзян является знаковым событием для российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, особенно с учетом того, что конкретные участки этой зоны – столица провинции Харбин, приграничные города Хэйхэ и Суйфэнхэ – неизменно находятся на своеобразном острове нашего межрегионального взаимодействия.

В.Я. Белокреницкий (*Институт востоковедения РАН*). **Вертикаль Китай-Пакистан и ее значение для геополитической конфигурации в Азии.**

Под вертикалью в широком смысле надо понимать весь комплекс тесных отношений между Китайской Народной Республикой и Исламской Республикой Пакистан. Важнейшее место в нем ныне занимает Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК). Соглашение о Коридоре было заключено в конце 2015 г., выполнение началось в 2016 г. Первоначальные оценки капиталовложений равнялись 46 млрд долл., затем они выросли до 62 млрд. Завершить проект предполагается к 2030 г.

Отмечу, что Китай культивирует особые политические и экономические связи с Пакистаном, преследуя несколько целей. В первую очередь, как представляется, китайское руководство хочет «дотянуться» до Персидского залива, чтобы обезопасить свои поставки нефти из региона, проложив нефте – и газопроводы от побережья Аравийского моря до северо-западного Китая. Это к тому же позволит сократить время снабжения энергоносителями удаленных от морских берегов районов. Второй целью является содействие своему бизнесу, вывозу капитала технологий и рабочей силы, как государственными корпорациями, так и частными компаниями. Основная отрасль, получающая заказы – энергетика, в том числе тепло и гидроэнергетика, а также использование солнечной и ветровой энергии, вторая отрасль – строительство скоростных магистралей, улучшение существующих шоссе, в том числе высокогорного Каракорумского шоссе. Третья цель – содействие экономическому развитию Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), прежде всего южного Синьцзяна с главным городом Кашгар. В перспективе наиболее развитая в сфере аграрного производства пакистанская провинция Панджаб должна превратиться в житницу СУАР и снабдить его текстильную промышленность полуфабрикатом – х/б пряжей и грубыми тканями.

Подчеркну, что КПЭК является одним из крупнейших пилотных проектов в ширококонтинентальной программе КНР «Один пояс, один путь» или, по последней версии, «Инициативы пояса и пути» (*Belt and Road Initiative*).

Неотъемлемой частью КПЭК является сооружение нового пакистанского порта Гвадар, расположенного близ Ормузского пролива. КНР начал строить порт еще в 2002 г., но в 2006 г. строительство было прервано и возобновилось в 2013 г. В октябре 2019 г. объявлено, что он открыт для международ-

ных коммерческих перевозок⁷³. Порт имеет несколько многофункциональных глубоководных причалов, необходимую инфраструктуру, обслуживается пакистанскими и китайскими партнерами через Управление порта, которое предоставляет налоговые и другие льготы, чтобы конкурировать с Сингапуром и Дубаи. Помимо конкуренции, проблемой для Гвадара является нехватка пресной воды. Решить её можно будет с помощью теплоэлектростанции мощностью 300 МВт и завода по опреснению воды. Приоритетная составная часть комплекса в Гвадаре – международный аэропорт, который согласилась построить китайская сторона.

Если в первые два года проект КПЭК выполнялся, как будто, без затруднений (во втором по величине пакистанском городе Лахоре китайцы быстро построили метро, так называемую Оранжевую линию, причем это скорее скоростная железная дорога, поскольку только две ее станции находятся под землей), то в последнее время его осуществление замедлилось. В конце лета 2019 г. в Пакистан приезжали китайские чиновники, отвечающие за внешнеэкономические связи, затем в Китай ездил пакистанский министр иностранных дел. В октябре с.г., накануне визита Си Цзиньпина в Индию, Пекин посетил премьер Пакистана Имран Хан. К его визиту Пакистаном было принято решение создать отдельное Управление КПЭК, а Китаю предоставили набор новых предложений как в области энергетики, где стороны добились пока наибольшего прогресса, так и в других отраслях, в частности, в металлургии. В очередной раз встал вопрос о том, что Китай может взять на себя запуск и расширение мощности (с 1 до 3 млн т. стали и чугуна в год) построенного при содействии СССР и простаивающего более четырех лет Пакистанского металлургического завода близ Карачи⁷⁴.

Обмен визитами на высшем уровне, о котором я упомянул, – эпизоды геополитической игры в треугольнике Китай, Пакистан, Индия. Между тем, разыгрывается и более масштабная геополитическая и геоэкономическая партия. «Инициатива пояса и пути», как известно, нацелена на продвижение Китая во все стороны от своих сухопутных и морских границ. На западном направлении она включает движение китайского капитала, главным образом государственного, но действующего по закону рынка, в Центральную Азию, на Кавказ, в Россию и Европу.

Юго-западное ответвление этого пути, китайско-пакистанская вертикаль или, скорее, диагональ с северо-востока на юго-запад, могла бы стать одним из редких успехов в области сооружения крупных транспортно-коммуникационных проектов, пересекающих сплошную полосу гор, отделяющих север Евразийского материка от юга.

Но станет ли? Есть несколько препятствий. Первое, слабость пакистанской экономики, резкое

⁷³ Pakistan's Gwadar Port Officially Opens For Commercial Shipping // NDTV, October 10, 2019.

⁷⁴ New projects offered to China as part of CPEC: minister // Dawn, October 7, 2019.

замедление темпов ее роста в 2018-19 финансовом году с округленно 5% в год в предшествующее пятилетие до 2,5-3%. Темпы роста экономики ныне ненамного превышают темпы роста населения (2,4%), растет инфляция, а стагфляция создает подоплеку для политического кризиса в стране.

Второе, опасения пакистанской стороны заплатить слишком высокую цену за проект, нужный в первую очередь Китаю. Внешний долг Пакистана вырос за последние годы с 60 до 90 млрд долл, а ежегодные платежи по нему будут расти, достигнув максимума в середине 2020-х годов. По некоторым появившимся в пакистанской печати оценкам, за предоставленные в рамках КПЭК китайские кредиты на сумму 26,5 млрд долл. Пакистану придется выплатить до 2035 г. 40 млрд с учетом основного долга и дивидендов с полученной прибыли⁷⁵.

Третье, небезопасность прокладки путей сообщения по некоторым пакистанским территориям, прежде всего по Белуджистану, где находится Гвадар. В этой провинции действуют группы боевиков, совершающие теракты, стремящиеся помешать успешной реализации проекта, ничего не дающего, как они полагают, местному населению.

Четвертое, замедление темпов роста китайской экономики, сложности на многих фронтах, и отсюда вероятный недостаток внимания к пакистанскому коридору, несмотря на заверения в том, что ослабления внимания нет, а все работы идут по плану.

Пятое, сопротивление Индии планам обхода ее с флангов. В этой перспективе надо, видимо, рассматривать недавние решительные действия индийского руководства в отношении контролируемой им части бывшего княжества Джамму и Кашмир – имеется в виду ликвидация 5 августа с.г. штата Джамму и Кашмир, единственного индийского штата, где мусульмане составляли большинство, и создание на его месте двух союзных территорий. Добавим к этому угрозы Индии присоединить к себе и контролируемую Пакистаном часть бывшего княжества.

Шестое, недовольство США программами китайской экспансии, предпринимаемые Вашингтоном меры по оттягиванию Пакистана на себя при сохранении Индии в качестве своего ведущего партнера в Южной Азии. В этом свете рассматривается долгожданное получение Пакистаном от МВФ спасающего от разорения (bail out) кредита на три года в 6 млрд. долл.

Таким образом, на сегодняшний день нет уверенности в том, что пилотный проект грандиозной китайской программы прорезать сухопутное пространство Азии своими инфраструктурными и инвестиционными лучами увенчается полным успехом и будет завершен в те сроки, которые намечены Пекином. Вместе с тем определенных результатов он, по-видимому, добьется, и не в последнюю очередь за счет коридора, соединяющего Китай с Пакистаном.

М.А. Сергибаева (*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко*). **Китайская по-**

литика на африканском континенте: взаимовыгодное партнерство или неокOLONИализм?

На сегодняшний день неокOLONИализм продолжает оставаться острой проблемой для развивающихся стран. По мнению западных СМИ, примером нового феномена служит африканская политика Китая, о неокOLONИалистском характере которой они все чаще говорят. Однако для того, чтобы определить, является ли она таковой, следует проанализировать политику Пекина в Африке.

В последнее время Китай продолжает активно наращивать сотрудничество со странами Африки, что привлекает внимание политиков и научных исследователей. Одни считают присутствие КНР в Африке взаимовыгодным; другие уверены, что китайская политика является неокOLONИалистской, объясняя это рядом причин.

Во-первых, некоторые ученые указывают на то, что Китай интересуется в Африке только сырьем.

Во-вторых, Африку считают огромным рынком сбыта китайских товаров, которые могут заполнить весь африканский рынок.

В-третьих, инвестиционную помощь Китая рассматривают как рычаг для давления на страны Африки в будущем.

В-четвертых, многих исследователей настораживает деятельность Китая, направленная на покупку и аренду участков земли для сельскохозяйственной деятельности.

Некоторые исследователи указывают ещё на ряд причин, почему политику Китая можно рассматривать как неокOLONИалистскую, которые подробнее будут рассмотрены в докладе.

Несмотря на те доводы, которые приводят противники китайской политики, всё же они являются в некоторых моментах неубедительными. Например, тезис, что КНР необходимы только ресурсы Африки, можно подвергнуть сомнению, так как на самом деле КНР оказывает помощь и странам, которые бедные на сырьё. Что касается займов Китая и возможной проблемы их возвращения для африканских стран, то не стоит забывать о том, что Китай неоднократно списывал долги и обещал продолжить такую практику на ФОКАК 2018 г. Остальные доводы также могут быть подвергнуты сомнению.

Кроме того, для определения характера китайской политики, является ли она неокOLONИалистской, следует проанализировать, присущи ли ей традиционные черты неокOLONИализма. В целом, для распространения своего влияния Китай использует такие инструменты, как инвестиции и займы. Но при этом характерные черты неокOLONИализма, т.е. создание марионеточных правительств, вмешательство во внутренние дела государств, сдерживание их экономического развития и др., не имеют места в политике Пекина.

Таким образом, хотя в китайской политике могут просматриваться некоторые черты неокOLONИализма, но о том, что она носит полностью неокOLONИалистский характер говорить трудно. Нельзя отрицать некоторые минусы китайской внешнеполитической стратегии, но в целом деятельность КНР на конти-

⁷⁵ Pakistan to pay China \$ 40 b on \$26.5 b CPEC investments in 20 years // The Express Tribune, 27 Dec. 2018

ненте вносит весомый вклад в развитие африканского региона, что соответствует интересам обеих сторон.

Н.М. Михеева (СЗИУ РАНХиГС). Приоритеты сотрудничества околоарктического Китая с Россией и Канадой в Арктике.

Китай возглавляет список неарктических стран, проявляющих повышенный интерес к Арктическому региону. Повышенный интерес обусловлен изменениями, происходящими в структуре глобального и регионального лидерства; несформированный международно-правовой режим, отсутствие регионального лидера являются для Китая важным фактором участия в развитии систем сотрудничества в Арктике. Для Китая РФ является основным партнером в регионе для реализации горнодобывающих, логистических, торгово-экономических проектов. Канада же занимает на сегодняшний день одну из ведущих позиций в формировании международной системы сотрудничества в Арктике.

Китай имеет четкие экономические интересы в Арктике: создание собственного арктического флота; использование СМП или/и СЗП с целью создания арктического транспортно-логистического коридора, участие в реализации проектов в горнодобывающей сфере; диверсификация поставок углеводородов. Ориентация Китая на позитивное развитие сотрудничества с РФ и Канадой позволяет ему реализовать значимую их часть.

Сходство проблем России и Канады позволяет развивать странам разносторонние сферы сотрудничества: совместные инвестиционные проекты как в АЗРФ, так и инфраструктурные проекты для всего арктического региона. Страны занимают схожие позиции по ряду принципиальных позиций по развитию политических и экономических связей в регионе. СМП и СЗП являются внутренними водами, транспортные национальные магистрали проливы вдоль их северных прибрежных линий подпадают под режим «внутренних вод»; невозможность создания международного режима управления морскими путями. Наиболее конфликтными сферами являются позиции стран по развитию систем военного сотрудничества в регионе, территориальные споры.

Сотрудничество в сфере горнодобычи и развития логистических систем Арктики для всех трех стран являются приоритетами для развития сотрудничества. Конфликтный потенциал заключается в разных подходах стран к их реализации, различиям в интересах при создании системы сотрудничества в Арктике.

4. Китай в развитии: успехи, вызовы и риски.

М.В. Карпов (МГИМО МИД РФ / НИУ ВШЭ). Си Цзиньпин и реформы: от «экономики Ли Кэцяна» к «новой нормальности».

За прошедшие шесть лет со времени прихода к власти в КНР «пятого поколения лидеров» во главе с Си Цзиньпином последний успел заработать репутацию политика, ориентированного на демонтаж

идейного и институционального наследия «патриарха китайских реформ» Дэн Сяопина. И по сути того, что происходит в Китае с 2013 года данная характеристика представляется нам вполне справедливой. Си Цзиньпин резко и безапелляционно сконцентрировал в своих руках политическую власть, встав во главе всех ее основных институций. Под предлогом борьбы с коррупцией и непотизмом, он беспощадно разгромил – персонально и институционально – ключевые кластеры партийно-государственного политико-экономического класса КНР, сформированные за годы реформ, шедших в соответствии с «духом и буквой» Дэн Сяопина и доставшиеся ему, так сказать, в наследство. По мнению большинства внешних и внутренних наблюдателей, степень общественно-политической репрессивности партийного государства в КНР повысилась. Си Цзиньпин ликвидировал ограничение двумя сроками нахождения на высших партийных должностях – вероятно, ключевую успешную политическую реформу Дэна, определявшую рамки кадрово-политической динамики КПК в целом. По крайней мере, до начала так называемой «торговой войны» с США, Си обнаружил склонность к существенному пересмотру логики и динамики внешней политики КНР в пользу ее явной активизации. Наконец, новый высший лидер Китая попытался содержательно переформатировать ключевые механизмы внутреннего экономического курса.

Неоднозначное, порой остро критическое отношение многих китайских и зарубежных наблюдателей и экспертов по этому поводу понятны. Вместе с тем большинство критиков Си Цзиньпина как «деконструктора» наследия Дэн Сяопина не учитывают того обстоятельства, что лидер «пятого поколения руководителей» начал проводить свою линию отнюдь «не от хорошей жизни» и не в силу идейно-мировоззренческого неприятия «реформ и открытости». В сфере внутренней политики, как нам представляется, его выбор определялся преимущественно двумя обстоятельствами-ограничителями.

Во-первых, к моменту прихода Си Цзиньпина и его «когорты» к высшей власти, социально-экономические преобразования, проходившие по лекалам, заложенным Дэн Сяопином, привели к «приватизации прибылей» и «национализации убытков» в таких масштабах, которые, по мнению как нового партийно-государственного руководства, так и львиной доли экспертного сообщества, были далее нетерпимы. Здесь ключевую роль сыграли два фактора. Объемы и динамика внутреннего долга после закачки в экономику страны стимулирующего пакета в размере 4 трлн юаней в 2008 году, а также масштабы теневой и коррупционной деятельности. Макроэкономические показатели внутреннего долга в 200% к ВВП, объемы денежной массы M2 в 200% к ВВП, размеры теневой банковской деятельности минимум в ¼ ВВП и т. д. представлялись не просто цифрами, а факторами медленного, но неуклонного снижения легитимности правящей партии и усиления разболтанности политико-экономического класса, дополнительным и весьма весомым аргументом

в пользу которого стала история политической фронды Бо Силая, густо замешанная на экономической коррупции. К тому же темпы экономического роста в КНР начали очень постепенно, но статистически определенно снижаться с 2011 года. Положить предел всему этому требовало общественное мнение и экспертное сообщество, весьма позитивно воспринявшее приход к власти «пятого поколения лидеров» как «прощание с застоём» эпохи правления дуумвирата предыдущих генсека ЦК Цзян Цзэминя и премьера Госсовета Вэнь Цзябао.

Во-вторых, невозможность отказа от идеологических и институциональных основ правления КПК. В самом деле, Си Цзиньпин не мог пойти по пути широкой либерализации политического и экономического режима, угрожающих непредсказуемыми системными последствиями.

Необходимость решения стоящих перед страной и обществом проблем в рамках существующей социально-экономической и политической конструкции определили выбор Си Цзиньпина в пользу курса на демонтаж коррупционной экономической «вольницы» предыдущих десятилетий и централизацию и институционализацию режима личной власти.

Стремление придать новый импульс экономическому росту и обновить его механизмы нашли отражение в пакете мер, получивших в китайском и международном информационном пространствах название «экономика Ли Кэцзяна» – по имени нового премьера Госсовета и второго после Си, по официальной партийно-государственной иерархии, человека в КНР. Этот пакет, скорее концептуальный, нежели четко практически сформулированный, был ориентирован на весьма дозированное, но ощутимое дерегулирование финансовой системы путем либерализации кредитных ставок и обменного курса юаня по счету движения капиталов, борьбу с теневым банкингом, укрепление финансовой дисциплины и упрощение бюрократических процедур инвестиционного и производственного лицензирования. На основании имеющихся данных можно заключить, что в 2013–2014 годах меры по дерегулированию столкнулись со скрытым саботажем со стороны, прежде всего, китайского партийно-государственного банковского сообщества, недовольного стремлением центрального правительства и регуляторов сократить его доходную базу за счет ограничения теневого банкинга, либерализации процента и ужесточения требований к основному капиталу. Прямым следствием этого саботажа стал так называемый «кризис ликвидности» в начале лета 2013 года, из-за которого произошло резкое падение темпов экономического роста и многократное увеличение объемов оттока капитала из страны. Механизмы «репрессий на капитал» пришлось включить с новой силой, а вопросы финансового дерегулирования снять с текущей повестки дня. Снижение экономической динамики и падение доверия внутренних инвесторов предпочли, также вынужденно в данном системном контексте, лечить путем точечных стимулирующих вливаний и

последовательного снижения ключевой ставки ЦБ. Последнее обстоятельство вопреки ожиданиям, однако, не стало ощутимым стимулирующим рычагом в условиях ужесточения требований к финансовой дисциплине, борьбы с «коррупцией и престижным потреблением» и сохранением прежних, в основе своей командно-административных институтов и практик макроэкономического регулирования и контроля. Последовавший летом 2015 года масштабный обвал на внутреннем фондовом рынке КНР также, вне сомнений, следует рассматривать как следствие «технического дефолта» в КНР летом 2013 года, спровоцированного банковским сообществом страны и основательно подорвавшего доверие традиционной партийно-государственной экономической «клиентелы».

Новое положение вещей с относительно низкими (в сравнении с прошлыми десятилетиями) темпами экономического роста и общим ужесточением общественно-политических практик получило в китайском партийно-государственном и экспертном сообществе наименование «новой нормальности». В условиях, когда вопрос о дальнейшем финансовом дерегулировании и общественно-политической либерализации сняты с повестки дня, на основании имеющихся данных следует заключить, что основной упор в КНР в данный период делается на точечное финансовое стимулирование, укрепление финансовой дисциплины и опору на административные методы макро и микро контроля, призванного, в том числе, снизить масштабы «излишних производственных мощностей» в стране. Предполагается, что в таких условиях сформируются качественно новые кластеры экономических интересов и группы инвесторов, ориентированных на более эффективное и интенсивное использование доступных финансовых ресурсов. Мы склонны относиться к данному предположению скорее скептически, так как качественное изменение мотивации финансово-экономических игроков вряд ли возможно без качественного изменения системно-институциональной среды. О последнем, судя по всему, речь в действительности пока не идет.

Вместе с тем очевидно, что совокупность факторов и ограничений на внутреннюю экономическую динамику не позволят КНР повторить «чудо роста» предыдущих десятилетий «реформ и открытости». Иными словами, возвращение к «духу и букве» реформ по Дэн Сяопину вряд ли возможно. То есть технически оно, конечно, возможно, но в таком случае придется заплатить в итоге чрезмерно высокую в виде дальнейшего роста «национализированных убытков», что выглядит прямой дорогой к системным макроэкономическим и политическим потрясениям.

Выдвижение Пекином концепции «Один пояс, один путь» и ощутимая активизация китайских внешнеполитических усилий на этом направлении свидетельствует о решимости руководства страны экспортировать такие модели стимулирования экономического роста, которые в прежних масштабах

уже не могут быть реализованы внутри страны. Очевидно, это рассматривается, в том числе и лично Си Цзиньпином, как одновременно стратегическая задача и паллиатив, пока в самом Китае не заработают качественно обновленные механизмы экономической динамики. Это поистине масштабный внутри и внешнеполитический гамбит «пятого поколения лидеров» КНР. Насколько он будет успешен, покажет уже предстоящее пятилетие.

Литература:

Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Ананьина Кристина Александровна; науч. рук. А.Д. Воскресенский; МГИМО МИД России. Москва, 2019. 293 с.

Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2014 (электр.).

Глобальные геопроекты и Россия / под общ. ред. Я.А. Пляйса. М.: Международные отношения, 2019.

Другие пространства / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3.

Каримова А.Б. Индо-тихоокеанский постатлан-тизм // Сравнительная политика. 2019. №2. С. 37-55.

Каримова А.Б. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №6 С. 13-24.

Каримова А.Б. Стратегия Ломоносова: Арктика в движении к глобальной арене // Наука. Культура. Общество. 2019. №2. С. 39-51.

Каримова А.Б. Центральная Азия: эвристики и модели // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №10. С. 114-123.

Каримова А.Б. Шелковый путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // Сравнительная политика. 2017. №2. С. 108-118.

Конт Ф. К политической антропологии советской системы: Внешнеполитические аспекты / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет / Аналитическо-консультативный Центр «Стратегические изыскания», 2019. 734 с.

Поздняков Э.А. Философия политики: В 2 ч. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1994. Ч. 2.

Breslin, Sh.; Higgott, R.A. Studying the International Relations of the Asia Pacific: What Is the Region? What Are the issues? In: Breslin, Shaun and Higgott, Richard A., (eds.) The International Relations of the Asia-Pacific. London: SAGE, 2010. Pp. 19-39.

Buzan, B.; Weaver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Gochhayat, A. Regionalism and Sub-regionalism: A Theoretical Framework with Special Reference to India // *African Journal of Political Science and International Relations*, 2014, Vol. 8(1).

Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10(4).

Hettne, B.; Söderbaum, F. The New Regionalism Approach // *Politeia*, 1998, Vol. 17, No. 3.

Neumann, I.B. A Region-building Approach to Northern Europe // *Review of International Studies*, 1994, Vol. 20, No. 1.

Peck, Michael. China's Military Deserves America's Respect, But Not Its Fear // *The National Interest*, September 15, 2019.

Sengupta, A. Frontiers into Borders. The Transformation of Identities in Central Asia. Published for Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Kolkata, 2002.

The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski (MGIMO) & Boglarka Koller (NUPS, Budapest). Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 228 p.

Van Langenhove, L. Introduction / Building Regions: The Regionalization of the World Order. Farnham: Ashgate Publishing, 2011.

References:

Ananyina, K.A. Vliyaniye kitayskogo faktora na indyisko-amerikanskiye otnosheniya v sovremennoy mirovoy politike (The Influence of the Chinese Factor on Indo-American Relations in Modern World Politics): dis. ... cand. of Pol. MGIMO University. Moscow, 2019. 293 p.

Breslin, Sh.; Higgott, R.A. Studying the International Relations of the Asia Pacific: What Is the Region? What Are the issues? In: Breslin, Shaun and Higgott, Richard A., (eds.) The International Relations of the Asia-Pacific. London: SAGE, 2010. Pp. 19-39.

Buzan, B.; Weaver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Dругие prostranstva (Other Spaces) / Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'y (Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews) / Transl. by B.M. Skuratov, ed. by V.P. Bolshakov. Moscow: Praxis, 2006. Part 3.

Galenovich, Yu.M. Rossiya – Kitay: shest' dogovorov (Russia - China: Six Treaties). Moscow, 2014.

Global'nyye geoproekty i Rossiya (Global Geoprojects and Russia) / Ed. Ya.A. Plyas. Moscow: International Relations, 2019.

Gochhayat, A. Regionalism and Sub-regionalism: A Theoretical Framework with Special Reference to India // *African Journal of Political Science and International Relations*, 2014, Vol. 8(1).

Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10(4).

Hettne, B.; Söderbaum, F. The New Regionalism Approach // *Politeia*, 1998, Vol 17, No. 3.

K politicheskoy antropologii sovetskoy sistemy: Vneshnepoliticheskiye aspekty (Toward a Political Anthropology of the Soviet System: Foreign Policy Aspects). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003.

Karimova, A.B. (Central Asia: Heuristics and Models // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2018, No. 10, pp. 114-123.

Karimova, A.B. Indo-tikhookeanskiy postatlantizm (Indo-Pacific post-Atlantism) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 37-55.

Karimova, A.B. Shelkovyy put': protsessy integratsii i samoorganizatsii prostranstv transregional'nogo

vzaimodeystviya (The Silk Road: the Processes of Integration and Self-Organization of Spaces of Transregional Interaction) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 108-118.

Karimova, A.B. Stratagema Lomonosova: Arktika v dvizhenii k global'noy aren (Lomonosov's Stratagem: The Arctic Is Moving towards Global Arenas) // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2019.No. 2. C. 39-51.

Karimova, A.B. Svyazyvaya Indiytskiy s Tikhim, ili modernizatsiya instrumentov vliyaniya (Linking the Indian with the Pacific, or the Modernization of Instruments of Influence) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2019, Vol. 63, No. 6, pp. 13-24.

Neumann, I.B. A Region-building Approach to Northern Europe // *Review of International Studies*, 1994, Vol.20, No. 1.

Peck, Michael. China's Military Deserves America's Respect, But Not Its Fear // *The National Interest*, September 15, 2019.

Pozdnyakov, E.A. Filosofiya politiki (Philosophy of Politics): In 2 parts, 2nd ed. Moscow, 1994. Part 2.

Sengupta, A. Frontiers into Borders. The Transformation of Identities in Central Asia. Published for Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Kolkata, 2002.

The Development Model of Modern China: Estimates, Discussions, Forecasts. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University/Analiticheskoye konsul'tativnyy Tsentr «Strategicheskiye izyskaniya»/Analiticheskoye konsul'tativnyy Tsentr «Strategicheskiye izyskaniya», 2019. 734 p.

The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski (MGIMO) & Boglarka Koller (NUPS, Budapest). Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 228 p.

Van Langenhove, L. Introduction / Building Regions: The Regionalization of the World Order. Farnham: Ashgate Publishing, 2011.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10023

RISE OF CHINA AND ITS INFLUENCE ON THE WORLD AND REGIONAL ORDERS. COMPARATIVE ANALYSIS: PROCEEDINGS OF THE ROUNDTABLE DISCUSSION

Article history:

Received:

25.12.2019

Accepted:

10.03.2020

About the author:

Prepared for publication
by Alexei D. Voskressenski,
the Editor-in-Chief

e-mail: sravnitpolit@mail.ru

Key words:

China; rise of China;
China's development model;
comparative analysis; world order; regional order

Abstract: Proceedings of the roundtable "Regional Orders and the Rise of CHINA", organized in the framework of the RISA Convention on October 21, 2019 at MGIMO University.

Для цитирования: Подъем Китая и его влияние на мировой и региональные порядки. Сравнительный анализ: материалы круглого стола // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 97-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10023

For citation: Podyem Kitaya i yego vliyaniye na mirovoy i regional'nyye poryadki. Sravnitel'nyy analiz: materialy kruglogo stola (Rise of China and Its Influence on the World and Regional Orders. Comparative Analysis: Proceedings of the Roundtable Discussion) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 97-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10023